W
237
528

IV 237/528

232
528

А. Г. ГОЙХБАРГ

ОСНОВЫ ЧАСТНОГО ИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

801-94
3830-3
232
528

А. Г. Гойхбарг

ОСНОВЫ ЧАСТНОГО ИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА

(ОЧЕРКИ)

Юр
Врачи

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА 1924

Главлит № 19.945 Тираж 15.000 экз.

Типогр. „Красный Пролетарий" Изд-ва „Красная Новь". Пименовская ул., д. 1/16.

МОЕМУ

ЕДИНСТВЕННОМУ

ДРУГУ

ЗИНАИДЕ

РИЧАРДОВНЕ

ТЕТТЕНБОРН

ПОСВЯЩАЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Выпускаемая работа представляет собою только неполные и незаконченные очерки. Условия моей работы и жизни в настоящее время (а также состояние здоровья) препятствуют возможности дать в этой области то исчерпывающее, что дать бы хотелось, а при иных условиях, пожалуй, и удалось. И если я все же решаюсь выпустить эти очерки в свет в настоящем их неполном, неясном и не законченном виде, то делаю я это в надежде, что метод, мною применяемый, подход к решению вопроса, мною намечаемый, даст толчок другим силам (находящимся в лучших для научной работы условиях), к тому, чтобы продолжить и закончить намеченное мною.

А. Гойхбарг.

Февраль
1924 г.

ГЛАВА I.

Несколько замечаний о праве.

Феодальное государство было государством божией милостью, государством религиозным. Буржуазия назвала свое государство государством правовым. Религия и право—идеологии угнетающих классов, постепенно сменяющие одна другую. И если нам еще в настоящее время приходится ожесточенно бороться с религиозной идеологией, то в гораздо большей степени нам придется бороться с правовой идеологией. Всякий сознательный пролетарий знает в настоящее время или, по крайней мере, сотни раз слышал, что религия—опиум для народа. Но редко кто, мне кажется, сознает, что право есть еще более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа. «Традиция всех умерших поколений, как кошмар, тяготеет над мозгами живущих» (Карл Маркс, «Восемнадцатое брюмера»). И чем ближе к современному поколению, чем моложе пласт традиций, навалившийся на мозг живущих, тем труднее его сбросить.

Право моложе религии, и потому бороться с идеей права, которая служит интересам эксплоататорского класса, гораздо труднее, чем с религиозными идеями. Гораздо более трудной и, пожалуй, гораздо более настоятельной задачей, чем антирелигиозная пропаганда, должна явиться для нас пропаганда антиправовая. Право—следующее убежище для эксплоататорских классов после убежища религии. Лишившись последнего, эти классы тем охотнее укрываются в первом. До какой степени идея права владеет умами, даже, казалось бы, свободными от религиозного дурмана,—видно хотя бы из следующего примера. Трудно, конечно, или даже почти невозможно представить себе, чтобы партия, именующая себя

революционной и социалистической, вставляла в свою программу завоевание религии. А по отношению к праву это имело место. Партия социалистов-революционеров в противовес лозунгу социал-демократов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» выставила своим лозунгом: «В борьбе обретешь ты п р а в о свое». Само собою разумеется, что если бы спросить социалистов-революционеров, о каком праве идет у них речь, они бы сказали, что здесь речь идет не о дурном, скверном, а о хорошем, н а с т о я щ е м, народном праве. Но этот ответ обнаружил бы с еще большей наглядностью, в каком плену они находятся у идеи права, как традиции буржуазного права кошмаром тяготеют над их мозгом.

Немало в этом отношении грешат даже и коммунисты. Стоит вспомнить наше «революционное правосознание», «пролетарское правосознание», «социалистическое правосознание». Эти понятия также как-будто исходят из того, что имеется некое из века и навеки существующее право, которое только неправильно осуществляется в различные эпохи, предшествовавшие нашей советской эпохе. А между тем, с какой враждебностью, с каким отвращением относился, напр., Карл Маркс к самому понятию права, к самому слову «право», видно хотя бы из следующего. Рассказывая Энгельсу о том, как он вырабатывал устав первого международного общества рабочих (I Интернационала), Маркс сообщает: «Подкомиссия приняла все мои предложения. Меня только обязали во введении к уставу вставить две фразы, говорящие о «долге» и «праве» и точно так же об «истине, нравственности и справедливости». Но они помещены таким образом, что никакого вреда принести не могут» [1]).

Я должен, однако, с самого начала устранить возможное недоразумение. Говоря о необходимости вести антиправовую пропаганду, я, само собою разумеется, и в мыслях не имею поощрять к несоблюдению п р а в и л, установленных Советской властью, к неподчинению тому, что мы называем

[1]) Карл Маркс и Фридрих Энгельс, Письма, издание Адоратского, 1923 г., стр. 200, письмо от 4 ноября 1864 г. И, тем не менее, эти фразы принесли впоследствии немалый вред: на них ссылался Плеханов для защиты своего социал-патриотизма.

советским правом. Конечно, было бы очень хорошо, если бы мы могли обойтись без этого слова, если бы мы могли заменить его другим.

Понятие права окутано такой мистической вуалью, оно соединяется в умах «живущих поколений» с такими таинственными переживаниями, что замена его другим, новым, которое охватывало бы те регулирующие нормы, те организационные правила, которые мы вынуждены применять в переходную эпоху, предшествующую окончательному и всестороннему распространению коммунистического строя, — что такая замена была бы чрезвычайно целесообразной. Но есть термины, которые, так-сказать, всасываются с молоком матери. К числу таких терминов относится и термин «право».

И во всяком случае наше поколение, пережившее пролетарскую революцию, но родившееся в условиях и в атмосфере, ей предшествовавших, от этого термина не откажется. Хорошо, если от него в силах будут отказаться следующие поколения. Однако, вполне возможно и этот термин совершенно обнажить от окутывающего его идеалистического тумана, наполнить его реальным содержанием, придать ему то значение, какое он пока еще должен сохранить: значение правильной нормы, целесообразного правила, правила, достигающего той цели, для какой оно установлено. В таком именно смысле употреблял слово «право» В. И. Ленин в своей знаменитой речи, направленной против так-наз. «свободы печати». Аргументируя право Советской власти закрыть буржуазную печать, он напомнил, что после февральской революции буржуазная власть закрыла монархическую печать и добавил: «Если п р а в а была буржуазия, закрывая монархическую печать, то мы имеем п р а в о закрыть буржуазную печать» [1]). Иными словами, он называет правом такое целесообразное правило, обсуждая результат которого мы приходим к заключению, что мы были правы, установив его. Здесь термин «право» лишен всякой идеалистической оболочки, всякого абсолютного характера, всякого характера неотчуждаемости, неизменности, вечности.

---

[1]) См. Джон Рид, «Десять дней, которые потрясли мир», 1923 г.

До какой степени находились под влиянием идеи права даже умы вполне свободные, даже один из основоположников социализма, руководитель германского рабочего движения, Фердинанд Лассаль,—видно из его сочинений. Энгельс, прочитав «Систему приобретенных прав» Лассаля, пишет Марксу: «У Лассаля силен предрассудок, он все еще крепко верит в «правовую идею», в абсолютное право. Его возражения против гегелевской философии права по большей части очень справедливы, но с своей новой философией он далеко еще не вполне справился. Даже с чисто-философской точки зрения он должен бы уже подвинуться настолько, чтобы считать за абсолютное только процесс, а не временный лишь его результат, и тогда никакой другой правовой идеи не могло бы появиться, кроме самого исторического процесса»[1]).

Но если даже Лассаль не подвинулся настолько, чтобы отрицать абсолютный характер права, то идеологи буржуазии стали признавать право естественным свойством человеческой натуры. Они стали говорить о «нашем правовом чувстве», как об одном из внешних чувств. Они стали заявлять, что чувство права, что правовой инстинкт неистребим в человеке. Раньше было провозглашено, что человек есть животное религиозное, что религиозное чувство неистребимо в человеке. Затем то же самое было провозглашено по отношению к праву: человек—животное правовое. Не в этом ли сущность теории Петражицкого, которая имела столь много сторонников в среде интеллигенции, даже революционной и даже называвшей себя марксистской. Психологическая теория права, учение о том, что право заложено в самой психике человека, является вечным и неумирающим свойством человека, не только соответствует интересам буржуазии, но выражает собою основное представление буржуа, что его право собственности на средства производства, что его право прикарманивать плоды чужого труда вечно и никогда не умрет, не прекратится. И это представление буржуа-капиталиста усвоивается также и представителями некапиталистических производителей, представителями мелкобуржуаз-

[1]) См. цит. К. Маркс и Энгельс, Письма, стр. 101.

ной демократии, идеологами мелкой буржуазии. И даже больше: это представление усвоивается и рабочими. «При общественном состоянии, — говорит Маркс, — над которым господствует капиталистическое производство, и некапиталистический производитель подчиняется капиталистическим представлениям» [1]).

Не приходится поэтому винить идеологов в том, что они придерживаются этих представлений. Это не вина, а беда их. Никто не может выскочить (поскольку речь идет о массовых явлениях) из той идеологической атмосферы, которая его окружает, в которой он растет и воспитывается. Маркс говорит: «Отдельное лицо с моей точки зрения менее, чем с какой-либо иной, ответственно за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается во всяком случае, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно» [2]). От этих идей, пожалуй, не в силах освободиться целиком и лица, раскрывшие всю их относительность, их историчность, их преходящее значение. Об этом свидетельствует остроумнейший марксист, зять Маркса, Поль Лафарг. Подвергнув беспощадной плебейской критике метафизические идеи справедливости (т.-е. права), свободы и др., он заявляет: «Бельфорт Бакс упрекает меня в презрении, с которым я отношусь к справедливости, свободе и другим сущностям собственнической метафизики; он говорит, что эти идеи, однако, столь всеобщи и необходимы, что для критики их буржуазных карикатур я все же пользуюсь известным идеалом справедливости и свободы. Ну, конечно,— так же мало, как и самые крайние философы-спиритуалисты, могу и я убежать от своей социальной среды: влияния ее ходячих идей не избежишь; каждый их кроит по своей мерке и принимает свои личные идеи в качестве критерия для идей и поступков других людей. Но если данные идеи необходимы в той социальной среде, в которой они вырабатываются, из этого отнюдь еще не следует, что они,

---

[1]) Маркс, «Капитал» т. III (т. VI собр. соч. Маркса и Энгельса), 1922, стр. 13.

[2]) Он же, «Капитал», т. I 1923 г., стр. XXXIII.

подобно математическим аксиомам, необходимы во всякой другой социальной среде» [1]).

В то время, как Лафарг писал эти строки, Бельфорт Бакс был социалистом и вместе с Лафаргом принадлежал к одному пролетарскому (Второму) Интернационалу. И буржуазные идеи справедливости, права и т. д. казались ему вечно существующими. Лафарг разоблачил эти идеи, доказывал, что в них нет ничего священного, что они призваны только служить своекорыстным и грязным интересам господствующего класса капиталистов. И многие лидеры Второго Интернационала, которые впоследствии стали откровенными слугами буржуазии, были «возмущены» его критикой буржуазных идей. Лафарг отвечает им с убийственной иронией: «Вандервельде и другие товарищи скандализованы моей непочтительной и слишком уж «крайней» манерой разоблачать вечные идеи и принципы. Третировать Справедливость, Свободу, Отечество, как каких-нибудь метафизических и этических распутниц, торгующих собою в академических и парламентских речах, избирательных программах и торгашеских рекламах! Какая профанация! Если б эти товарищи жили во времена энциклопедистов, они метали бы молнии своего негодования против Дидро и Вольтеров, которые хватали за шиворот аристократическую идеологию и тащили ее на суд своего разума; которые вышучивали священные принципы христианства, Орлеанскую Деву, голубую кровь и честь дворянства, власть, божественное право и другие бессмертные вещи» [2]).

Лафарг здесь весьма остроумно показывает, что те, кто отстаивает идею права (справедливости) при буржуазном строе, столь же реакционны, как и те, кто отстаивал идеи божественного права при переходе от феодального права к буржуазному. И, хотя нельзя винить идеологов за их идеологии, все же, когда нам, в нашем строе, в строе перехода от буржуазного к коммунистическому порядку вещей, продолжают подносить в качестве вечной истины буржуазное,

---

[1]) Поль Лафарг, «Экономический детерминизм Карла Маркса», 1923, стр. 55.

[2]) Там же.

служившее интересам буржуазии понятие права,—нельзя удержаться от того, чтобы, пользуясь выражениями Маркса, не назвать этих людей «рабским стадом подражателей» (servum pecus imitatorum), не сказать, что они «остались мелкими разносчиками продуктов крупных заграничных фирм», что их «метод... характерен для романтики всяких профессий; ее содержание составляется из ходячих предвзятых мнений, почерпнутых из поверхностнейшей внешней видимости вещей; а затем это ложное и банальное содержание должно быть «возвышено» и опоэтизировано мистифицирующей манерой изложения» [1]).

Что человек есть животное правовое, что правовое чувство есть естественное свойство человека,—это утверждение тоже является ходячим предвзятым мнением, почерпнутым из поверхностнейшей внешней видимости вещей. Вообще социальные свойства человека суть не естественные, а искусственные, исторически преходящие свойства его. Маркс не признает за человеком никаких естественных социальных свойств, кроме свойства быть существом социальным, общественным. Маркс указывает на ошибочность аристотелевского определения человека, как животного политического (зоон политикон). Маркс говорит: «Человек по самой своей природе есть животное, хотя и не политическое, но во всяком случае общественное». И тут же прибавляет в примечании. «Аристотелевское определение утверждает, строго говоря, что человек по самой своей природе есть гражданин городской республики. Для классической древности это столь же характерно, как для века янки определение Франклина, что человек есть животное, делающее орудия» [2]) (toolmaking animal).

Считать, что буржуазное право есть природное свойство человека, означало бы увековечивать буржуазные отношения. Вот почему отстаивать это мнение означает служить

---

[1]) К. Маркс, т. III (К. Маркс и Ф. Энгельс, собр. соч., т. VI), 1923, стр. 384.

[2]) Ср. К. Маркс, «Капитал», т. I, 1923 г., стр. 303 (Я даю свой перевод в виду того, что в указанном издании перевод не совсем точен).

интересам буржуазии. Вот почему Маркс резко опровергает это утверждение. «Природа не производит, — говорит он, — с одной стороны, владельцев денег и товаров, с другой стороны, владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего экономического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более древних формаций общественного производства» [1]). Капиталистическое отношение является продуктом гибели феодального и простого товарного отношения. И капиталистическое право—форма этого отношения—есть только форма этого исторического преходящего отношения.

Остроумнейший марксистский мыслитель беспощадно и с изумительной силой боровшийся против всяких форм буржуазной идеологии, Лафарг разлагает перед нами идею права (справедливости) и обнажает ее действительную сущность. Буржуазный французский философ — один из многих — заявляет: «Справедливость (т.-е. право) извечна, хотя она лишь постепенно проникает в человеческий дух и в социальную действительность». Но это постепенное проникновение относится только к прошлому: буржуазный строй есть завершение справедливости. «Буржуазное общество и буржуазная мысль,—иронизирует Лафарг,—таким образом суть конечные и высшие проявления имманентной справедливости». Прогресс справедливости (права) имел место, но только до тех пор, пока не воцарился буржуазный строй. «Буржуазия неизбежно должна была рассматривать свой захват власти, как неизмеримый социальный прогресс, тогда как аристократия рассматривала его как гибельное движение назад». Прогресс был тем большим, чем больше удалось устранить аристократию. И «так как французская революция произошла слишком сто лет спустя после английской, и, следовательно, в более зрелых условиях, то она так резко и полно заменила аристократию бур-

[1]) То же, стр. 139.

жуазией [1]), что с тех пор эта идея прогресса укоренилась в общественном мнении Европы. Европейские буржуа стали смотреть на себя, как на уполномоченных представителей прогресса. Они добросовестно утверждали, что их обычаи, нравы, добродетели, частная и общественная мораль, их общественная и семейная организация, промышленность и торговля были прогрессом по отношению ко всему, что существовало до того. В прошлом было только невежество, варварство, несправедливость и безумие: «Наконец, впервые,—воскликнул Гегель,—идея стала управлять миром». Социальное господство буржуазии есть царство разума.

Но отсюда только шаг до учения о том, что прогресс остановился с воцарением господства буржуазии. И в самом деле, идеи прогресса и эволюции имели чрезвычайный успех в течение первых лет XIX века, когда буржуазия была еще опьянена своей политической победой и поразительным ростом своих экономических богатств. Но появление пролетариата на политической арене в Англии и Франции породили в душе буржуазии беспокойство за вечность ее социального господства, и прогресс потерял в ее глазах свое очарование. Произошла—в идеологии буржуазии—остановка прогресса. Ее строй окончательный и никогда не исчезнет. Ее идеи вечны и никогда не изменятся. Ее право—вечное право. Ибо для буржуазии нет прогрессивного развития, если оно не подготовляет ее торжества. И так как целью прогрессивного развития является переход социальной диктатуры в руки буржуазии, то, раз эта цель достигнута, шествие прогресса останавливается. Считая переход власти в свои руки един-

[1]) Ср. предисловие Энгельса к третьему изданию «Восемнадцатого Брюмера» К. Маркса: «Во Франции более, чем в какой-либо другой стране историческая борьба классов каждый раз доводилась до решительного конца, и потому сменяющиеся политические формы, внутри которых развивается эта борьба и в которых резюмируются ее результаты, всегда отливались в самые резкие очертания. Центр феодализма в средние века, родина объединенной сословной монархии со времен Возрождения, Франция в великой революции разгромила феодализм и основала чистое господство буржуазии в таком классическом выражении, как ни одна другая из европейских стран». (К. Маркс и Ф. Энгельс, собр. соч. т. III, 1921 г., стр. 131—132).

ственно-прогрессивным моментом в истории, буржуазия действительно убеждена, что было бы возвратом к варварству, «рабству», как говорит Герберт Спенсер, если бы пролетариат захватил власть в свои руки. Но так—по адресу буржуазии—думала и побежденная аристократия.

Буржуазии необходимо прикрывать неприглядную наготу своего строя вечными идеями, идеями справедливости, права и т. д. Оскар Уайльд говорит, что если женщина душится очень крепкими духами, то, очевидно, есть ей, что скрывать. То же самое говорит Лафарг и о буржуазии. «Ни один господствующий класс никогда не кричал так об идеалах, ибо ни у одного господствующего класса никогда не было в такой мере необходимости прикрывать свои поступки идеалистической болтовней. Это идеалистическое шарлатанство является в руках буржуазии самым верным и самым действительным средством политического и экономического обмана. И, однако, это разительное противоречие между словом и делом не мешает историкам и философам считать вечные идеи и принципы единственными двигателями истории народов, живущих в буржуазном строе. Такое неслыханное заблуждение историков и философов, выходящее за пределы дозволенного даже ученым, служит неопровержимым доказательством громадной силы идей и вместе с тем ловкости буржуазии, которая сумела так культивировать и эксплоатировать эту силу, что она приносит ей хороший барыш».

Идея права, справедливости прекрасно служит интересам эксплоататорского класса, удерживает массы в повиновении ему. «Правящий класс всегда объявляет справедливым все то, что служит его политическим и экономическим интересам, а несправедливым все, что им противоречит. Справедливость,—как он ее понимает,—претворяется в действительность именно тогда, когда удовлетворяются его классовые интересы. Справедливость, таким образом, идет на поводу у классовых интересов буржуазии, как феодальная справедливость в свое время шла на поводу у классовых интересов аристократии. Поэтому с бессознательной иронией справедливость изображают с повязкой на глазах, чтобы помешать ей видеть, какие пошлые и грязные интересы она защищает. Феодальная

и цеховая организация, наносившая ущерб интересам буржуазии, была, по ее мнению, несправедлива. Поэтому она была разрушена имманентной справедливостью. Буржуазные историки говорят, что справедливость не могла терпеть вооруженного грабежа феодальных баронов, которые знали только одно это средство для округления своих земель и пополнения своей мошны. Однако, это не мешает почтенной имманентной справедливости одобрять вооруженные грабежи, которые мирные буржуа, не рискуя даже своей шкурой, заставляют переодетых солдатами пролетариев совершать в «варварских» странах Нового и Старого Света. Это не значит, что этот вид грабежа особенно по душе добродетельной девице. Во имя п р а в а она торжественно одобряет и разрешает только экономический грабеж, тот грабеж, который буржуазия без шумного насилия изо дня в день практикует над наемным рабочим. Экономический грабеж хорошо отвечает темпераменту и характеру этой справедливости, и поэтому она с готовностью берет на себя обязанности сторожевого пса при буржуазном богатстве, которое, ведь, является не чем иным, как именно законным и справедливым накоплением награбленного».

«Справедливость,—по словам философов,—царя в буржуазном обществе, направляет человека к мирному и счастливому будущему. На самом же деле, наоборот, она—плодовитая мать всяких социальных несправедливостей. В прошлом справедливость дала рабовладельцу право владеть человеком, как скотиной; в настоящем она дает капиталисту право эксплоатировать детей, женщин и мужчин пролетариата хуже, чем вьючных животных. Справедливость дала в руки рабовладельцу кнут на раба и разжигала его сердце, когда он осыпал раба ударами, и опять она же разрешает капиталисту захватить прибавочную стоимость, созданную трудом наемников и оставляет в покое его совесть, когда он вознаграждает нищенской платой труд,—труд, который приносит капиталисту все его богатство. Я пользуюсь с в о и м п р а в о м, говорил рабовладелец, когда бичевал своего раба; я пользуюсь с в о и м п р а в о м, говорит капиталист, когда открыто крадет у наемника плоды его труда».

Но буржуазия не желает видеть не только преходящего значения своих правовых институтов. Она изъемлет их даже из-под действия простого прогресса, изменения, развития. «Буржуазия и ее наиболее образованные представители идут еще дальше в своем стремлении ввести в границы непрерывный ход прогресса; они устраняют от его влияния целый ряд социальных организмов первостепенной важности. Экономисты, историки и моралисты, стремясь доказать неопровержимым образом, что патриархальная форма семьи и индивидуальная форма собственности не могут видоизмениться, утверждают, что эти формы существовали во все времена» [1]).

Какой могучей силой является идея права в руках эксплоататорского класса, который при помощи этой идеи держит в узде классы эксплоатируемые — я покажу на нескольких примерах. Факты, приводящие к одним и тем же социально-вредным результатам, вызывают отвращение и возмущение в самых широких слоях населения, или же переносятся равнодушно, смотря по тому, признаются ли они противоречащими праву, или нет. С каким омерзением относятся к кровосмесителю, к лицу, находящемуся в близких отношениях со своей дочерью или со своей матерью. Кровосмешение противно «элементарным основам права». А между тем, еще в древности Ксенофонт объяснил происхождение запрета кровосмесительных браков: от такой связи рождаются болезненные дети. Эта связь грозит в более или менее отдаленном будущем вырождением, болезнями, преждевременной смертью.

Казалось бы, всегда, когда поведение людей грозит другим людям вырождением, преждевременной смертью и т. д. оно должно вызывать в «обществе», в самых широких слоях населения такое же омерзение. Но когда такое поведение влечет за собою выгоды для господствующих групп, оно объявляется не противоречащим «праву» и не вызывает омерзе-

[1]) Относительно последних двух-трех страниц, см. Лафарг «Экономический детерминизм», стр. 49—54. Я так много цитирую Лафарга потому, что никто другой не «хватал за шиворот» с такой силой буржуазную идеологию.

ния. Отношение капиталистов к рабочим в течение всего XIX века—да и поныне—влекло за собою вырождение, увеличение смертности, болезни и муки, перед которыми, конечно, бледнеют последствия кровосмесительных отношений. Не только Энгельс говорил [1]), что в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» он дает обвинительный акт против буржуазии, обвиняя ее в массовом убийстве рабочих. Даже казенные английские врачи (которые некогда еще отличались правдивостью) подтверждают это. Обследовав в 30-х годах положение детского труда на английских фабриках, выдающиеся врачи устами доктора Фарра (приведено в I томе «Капитала») заявили: «Законодательство одинаково необходимо в целях предотвращения преждевременной смерти, в каких бы формах она ни причинялась, а этот способ (фабричный способ) следует признать одним из самых жестоких способов ее причинения».

Капиталисты хладнокровно смотрят на смерть и увечья рабочих, которые можно было бы предотвратить ценою нескольких рублей (см., напр., приведенные у Маркса данные, как на одной льнотрепальной фабрике насчитывалось 6 смертных случаев и 60 тяжких увечий, которые все можно было бы предотвратить при помощи самых простых приспособлений ценою в несколько шиллингов; по утверждению фабричного врача несчастные случаи на этих фабриках носят ужасающий характер: во многих случаях четвертая часть тела отрывается от туловища). Но здесь поведение капиталистов не противоречит «основам права»; они здесь стоят на почве «права» и считаются вполне приличными людьми, от которых не отшатываешься с омерзением.

Пуанкаре в своем отношении к Германии стоит на почве права. Не верите? Можете справиться об этом у Второго Интернационала. Если бы кто-либо обвинил Пуанкаре в кровосмешении, которое может повлечь за собою вырождение

---

[1]) В письме к Марксу от 19 ноября 1844 г. он пишет: «Я предъявляю англичанам длинный список их прегрешений. Я обвиняю английскую буржуазию перед лицом всего мира в убийствах, грабежах и всех прочих преступлениях массового характера».

одного или нескольких человек его потомства, ему бы не удержаться на своем посту. Но ежедневные обвинения его — совершенно неоспоримые — в том, что его поведение по адресу Германии имеет своим результатом вырождение миллионов населения, преждевременную (см. рост смертности в Германии) смерть сотен тысяч людей, причиняемую самым жестоким способом, гниение заживо сотен тысяч пролетарских детей,—все эти почти никем не оспариваемые обвинения на его карьере не отражаются: он прикрыт гнусным покровом права.

Кража буржуазной частной собственности противна «элементарным основам права». Поэтому даже и среднего буржуа можно оставить одного без надзора у себя в комнате: он не украдет у вас стакана или ложечки. Но кража единственной собственности рабочего, его рабочего времени, его жизненной силы, даже вопреки закону, который устанавливает определенное рабочее время, определенные условия труда,— не противоречит «праву», вовсе не зазорна. Что может быть более «естественного», чем «капиталистический грабеж у рабочего, занятого процессом труда, всех условий, необходимых для жизни: пространства, воздуха, света, а также всех средств, защищающих рабочего от опасных для жизни или антигиенических условий процесса производства» (Маркс). Кража булки предосудительна, но знаменитые «маленькие кражи минут» у рабочих, грабительское выдергивание по волоску времени, предназначенного на еду или отдых рабочих,—с каким открытым челом проделывают это капиталисты, сохраняя самоуважение, да и пользуясь уважением среди окружающих.

«Право» собственника не может быть нарушено, во всяком случае без «справедливаго вознаграждения». Это само собою ясно. Поэтому, если надо снести здание для проведения общественного предприятия: трамвая, железной дороги, собственника необходимо вознаградить и даже с прибылью. Но если в снесенном доме жили рабочие (или вообще квартиранты), то хотя бы они сняли этот дом на несколько лет, им не возместят никаких убытков: ни лишения удобного

жилья, ни расходов по переезду. Почему так,—ответа нет. Прав Маркс, говоря: «Раз дело касается вопроса о собственности, священный долг повелевает поддерживать точку зрения детского букваря, как единственно правильную для всех возрастов и всех ступеней развития» [1]). Все другое ограничено, только право (собственности) неограничено. Цитируемый Марксом английский главный санитарный врач Симон, заявляет: «Найдет ли рабочий жилое помещение на той земле, которую он обрабатывает, будет ли оно жилым помещением для человека или для свиней, окажется ли при нем маленький садик, который так облегчает гнет бедности,—все это зависит не от его готовности или способности платить соответствующую квартирную плату, а от того употребления, которое заблагорассудится другим сделать из своего права располагать своей собственностью, как им вздумается» [2]).

Это распоряжение своим правом, как вздумается, эта неограниченность права (собственности) продолжает и поныне казаться массам чем-то до такой степени естественным, что всякое «покушение» на эту неограниченность вызывает у них «священный» ужас. И когда мы в нашем проекте гражданского кодекса установили некую узду для «использования права, как вздумается», когда мы в 1-й статье установили, что право защищается только в том случае, если оно осуществляется не в противоречии с его социально-хозяйственным назначением, то этот священный ужас обуял не только почти всех юристов, но и кое-кого из нашей среды, из среды коммунистов. В этой статье видели отрицание, отмену всех остальных статей, установление полного произвола закона по адресу управомоченного собственника. Конечно, с точки зрения унаследованных идей права полный произвол собственника по отношению к окружающим предпочтительнее «произвола», узды общества по адресу собственника. И эти рассуждения казались вполне естественными, несмотря на то, что целый ряд послевоенных конституций даже буржуазных государств вынуждены были (во всяком случае, на словах)

[1]) «Капитал», т. 1, стр. 706.
[2]) Там же, стр. 674.

отказаться от предоставления собственникам произвола, неограниченных прав [1]).

В современном буржуазном обществе право играет такую же роль, какую сыграло христианство в древнем рабском мире. Каутский в своем «Происхождении христианства» приходит к выводу: «Античный мир держал рабов в повиновении только при помощи страха. Христианство впервые возвысило безвольную покорность рабов на степень нравственной обязанности, которая должна выполняться с радостью» [2]). Буржуазия также предпочитает вместо голого насилия, которое дорого бы обходилось, опутывать эксплоатируемые массы незримыми нитями правовой идеологии, которую за дешевую плату проповедуют ее философы и юристы.

Мы отказываемся, таким образом, видеть в праве некоторую идею, которая явилась бы полезной и для рабочего класса, и для пролетариата. В свое время эта идея имела некоторый смысл, но в настоящее время в идеологии пролетариата она излишня, и ее необходимо вытравлять из пролетарских мозгов. Резко критикуя Готскую программу, Маркс писал в

---

[1]) Не только республиканская конституция Германии постановляет: «Собственность обязывает. Ее использование должно в то же время служить общему благу» (ст. 153). «Земельная собственность, приобретение которой необходимо для удовлетворения жилищной нужды, для содействия колонизации или для поднятия сельского хозяйства, может быть принудительно отчуждена... Обработка и эксплоатация земли является обязанностью землевладельца по отношению к обществу» (ст. 155). Те же мысли и, пожалуй, в не менее резкой форме содержат даже монархические конституции Сербо-Хорвато-Словении (Юго-Славии) и Румынии. В первой читаем: «Свобода заключать договоры при экономических отношениях признается в той мере, в какой она не противоречит социальному интересу» (ст. 25). «В интересах общества и на основании закона государство имеет право и обязанность вмешательства в экономические отношения граждан в духе справедливости и с целью устранения социальных конфликтов» (ст. 26). И даже в румынской конституции (1923 г.) сказано: «Все факторы производства пользуются одинаковым покровительством. Государство может вмешиваться посредством законов во взаимоотношения между этими факторами, чтобы предупредить экономические или социальные конфликты» (ст. 21).

[2]) К. Каутский, «Происхождение христианства», 1923 г., стр. 351.

1875 г.: «Я подробнее остановился на «равном праве» и «справедливом распределении», чтобы показать, какое преступление (курсив мой. А. Г.) желают совершить, с одной стороны, снова навязывая нашей партии в виде догматов представления, имевшие когда-то некоторый смысл, но теперь превратившиеся в устарелый негодный хлам, а, с другой стороны, стараясь вытеснить реалистическое понимание, с таким трудом внесенное в умы нашей партии, но теперь уже пустившее корни, чтобы снова заменить его ходкими идеологическими фразами демократов и французских социалистов о праве и всем прочем» [1]).

Но для того реалистического понимания права, которое вытекает из всего учения марксизма, недостаточно одного раскрытия его идеологической, почти религиозной оболочки. Необходимо объяснять появление и развитие соответственных правовых идей, исходя каждый раз из тех общественных отношений, которые их породили. В этом случае тем легче будет доказать, что в настоящее время они являются пережитком других эпох и общественных наслоений. Маркс в своих письмах к Энгельсу (от 1 августа 1877 г.) и к Зорге (от 19 октября 1877) называет идеи справедливости, равенства, свободы и т. д. «современной мифологией», «новой мифологией», которой пытаются заменить материалистическую базу социализма, требующую, по словам Маркса, раньше чем ею оперировать, серьезного объективного изучения. Но раскритиковать эту мифологию гораздо легче, чем объяснить ее из порождающих ее экономических отношений, а таковы именно требования марксистского метода. По отношению к религии (хотя это применимо и ко всем идеологиям) Маркс заявляет: «Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а, следовательно, и научный метод» [2]). Эта мысль Маркса обобщена Энгельсом

[1]) К. Маркс, Критика Готской программы, Петроград, 1919 г., стр. 19.
[2]) К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 349.

в его письме к Конраду Шмидту от 5 августа 1890 г. «Вообще для многих более молодых писателей в Германии,—говорится в этом письме,—слово материалистический служит простой фразой, которую приклеивают к разным вещам, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т.-е. приклеивают этот ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание жизни есть, главным образом, введение к изучению, а не рычаг конструкции на манер гегелианства. Всю историю надо начать изучать сызнова. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных образований, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. д. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому, что очень немного людей серьезно этим занималось. В этом отношении нам нужна массовая помощь, область бесконечно велика, и тот, кто хочет работать серьезно, может много создать и отличиться» [1]).

Мало, следовательно, дать критику правовой идеологии. Необходимо шаг за шагом проследить, какие жизненные отношения порождали соответственные правовые идеи, и как затем эти правовые идеи сохранялись в качестве орудия угнетения даже после того, как они перестали соответствовать прежним отношениям. Попытки в этом направлении будут сделаны в следующих главах.

В заключение несколько слов по вопросу о будущем права. Нормы права, т.-е. то, что мы выше назвали правильными правилами, принудительно предписывающие определенное поведение, но лишенные всякого ореола «святости», сохраняются даже после того, как из ума людского вытравляются всякие правовые идеи. По отношению к религии, к «старой мифологии» Маркс говорит: «Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и природой» [2]). Это же применимо и к «новой мифологии», к право-

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, стр. 275.
[2]) К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 46—47.

вому отражению действительного мира, к правовым идеям и представлениям. Говоря о двух видах справедливости, воздающей и распределяющей, лежащих в основе права (первая—уголовного, вторая—имущественного) и проследив источники их происхождения и развития, Лафарг замечает: «Варвар заменил пролитую кровь собственностью; собственность заменила собою самого человека; человек в цивилизованном обществе обладает только теми правами, какие дает ему собственность. Коммунистическая революция, отменяя частную собственность и давая всем одинаковые вещи, освободит человека и возродит дух равенства. Тогда идея справедливости, преследующая человеческий ум со времени возникновения частной собственности, исчезнет, как самый страшный кошмар, когда-либо мучивший печальное цивилизованное человечество» [1].

Но вслед за идеей права должны будут исчезнуть и самые принудительные правила, то, что еще по-старому будет называться нормами права. В критике Готской программы Маркс доказывает, что всякое право есть право неравенства. Поэтому с исчезновением всякой эксплоатации и всякого неравенства, т.-е. с полным воцарением коммунистического строя, исчезнет всякая необходимость в том виде принудительных правил, которые теперь именуются правом. Если, по выражению Маркса в той же критике Готской программы, «право никогда не может стоять выше экономического строения и обусловленного им культурного развития общества», то и обратно: при подъеме экономического строения общества на ступень полного коммунизма обусловленное этим подъемом высокое культурное развитие общества сделает излишним, ненужным всякое принудительное нормирование человеческих отношений. Те разумные последствия, которые должны быть достигнуты в результате принудительных норм переходного времени, будут достигаться сами собой, ибо они будут корениться в самой сущности тогдашних экономических отношений.

---

[1]) П. Лафарг, «Экономический детерминизм Карла Маркса», стр. 138.

ГЛАВА II.

Так-называемые правно-политические соображения.

Из предыдущей главы явствует, что законодательство пролетарского государства не должно находиться под влиянием идеи какого-то, якобы, вечно существующего понятия права, что оно может и должно отрицать эту «новую мифологию». Оно может, устанавливая определенные правила, считаться только с их целесообразностью, с тем, достигают ли и насколько достигают эти правила той цели, ради которой они установлены. Но буржуазная идеология и в этой области расставляет незримые, но опасные капканы. «Новая мифология», выгнанная в дверь, стремится пробраться через окно. На сцену выступают «правно-политические» соображения. С точки зрения политики права,—так пытаются нас уверить,—необходимо установление прав в таком же неограниченном виде, в каком они были установлены в начале прошлого века после крушения феодализма и воцарения буржуазного строя. Необходимо,—слышим мы с разных сторон,—установить права весьма широкие, не ограничивать их, ибо каждое даже малейшее ограничение в деле использования своего права, в деле распоряжения им, ослабляет стимул хозяйственной деятельности к накоплению. И когда мы объявили, что государство наше представляет имущественные права в целях развития производительных сил, перестает защищать предоставленные права, если их осуществление на практике противоречит их социально-хозяйственному назначению; когда мы ограничили частную собственность как в смысле предела обладания, так и предела распоряжения ею, когда мы заявили, что государство вмешивается, в целях общественных, и в те отношения, которые ранее было принято называть частно-правовыми,—со всех почти сторон понеслись вопли: это значит рубить тот сук, на котором хотят усесться, это значит отбить всякую охоту развивать частную инициативу, это значит противодействовать тому здоровому началу индивидуализма, которое заложено в каждом человеке. Индивидуализм, полная свобода использования, как единственный стимул деятель-

ности, стали выставляться как настроения и истины, вечно существующие, не обязанные своим возникновением и существованием определенным общественным отношениям и не долженствующие исчезнуть или быть вытравленными с изменением этих отношений.

А между тем, эти идеи не являются даже чисто-буржуазными. Они соответствуют эпохам более ранним. Это взгляды эпохи начала буржуазного развития и даже более ранние, старо-дворянские, феодальные. И то обстоятельство, что после крушения буржуазии в одной огромной стране и перед ее полным крушением в остальных странах, ученые, которые раньше находились на службе у буржуазии, как класса, начинают отстаивать, в качестве вечных истин, эти устарелые и самой буржуазией отрицаемые идеи,—это свидетельствует о том, что после социальных потрясений эти растерявшиеся ученые становятся, если употребить выражение Маркса, истинной сточной трубой для всех уже давно сгнивших общих мест апологетики.

Но, во-первых, индивидуализм совершенно не является свойством человеческой натуры. Он обязан своим происхождением, существованием, а следовательно, и исчезновением определенным условиям общественной жизни. Прекрасно выясняет происхождение индивидуализма К. Каутский в своем «Происхождении христианства». Говоря об индивидуализме, который господствовал в эпоху возникновения христианства он отмечает, что индивидуализм этот возникает оттого, что «индивидуум предоставлен собственным силам, так как социальная поддержка, которую он прежде находил в своей общине и традиционных этических нормах, теперь совершенно исчезла». «Индивидуализм является знамением того, что общественная зависимость, в которой инидивидуум рос, и которая ему казалась естественной и понятной, потеряла свою силу, что этому индивидууму теперь предстоит задача пробить себе дорогу вне этой старой общественной зависимости». В такое переходное время кажется, что не общество определяет индивидуум, а, наоборот, индивидуум—общество, что общественные формы, задачи их и цели вполне зависят от его произвола. «Такой индивидуализм, такое инди-

видуальное искание новых форм мысли и новых форм общественной организации характеризует, например, эпоху либерализма, которая последовала за разложением феодализма. Новые общественные организации, которые должны были сменить старые, возникли не сейчас, и прошло известное время, пока мало-по-малу новые организации рабочих и предпринимателей не стали решающими элементами капиталистического общества» [1]).

В эпоху буржуазных трестов, картелей, синдикатов и т. п., во всяком случае, индивидуализм не являлся и не мог являться господствующим настроением. И хотя у нас, в Советском Союзе эпоха переходная, но характер этой переходной эпохи таков, что индивидуализм, во всяком случае, не может стать у нас господствующим настроением, определяющим массовую деятельность.

Остается второе утверждение, которое нам желают навязать: только неограниченная возможность распоряжения правом (собственности) дает стимул к хозяйственной деятельности. Но это утверждение имеет в своей основе даже не буржуазный, а старо-дворянский взгляд на хозяйственную деятельность. Марксу приходилось в своем «Капитале» вести усиленную борьбу с экономистами, которые в апологетических целях хотели изобразить дело так, что потребление наличного есть стимул, руководящий капиталистами в их деятельности. Из этого экономисты делали вывод, что капиталист, «воздерживаясь от потребления всей наличности», справедливо получает в виде награды за свое воздержание прибыль. Юристы, выставляющие указанное выше утверждение, исходят из того же ложного и не соответствующего капиталистическому строю принципа. Этот взгляд чрезвычайно распространен и кажется на первый взгляд столь же убедительным (хотя свидетельствует о таком же невежестве), как, напр., утверждение, что солнце ежедневно выползает из-под земли и прячется под землю. И в виду распространенности этого взгляда, ему придется посвятить очень много выписок, чтобы доказать всю его никчемность.

---

[1]) К. Каутский, «Происхождение христианства», стр. 96—97.

«В противоположность старо-дворянскому принципу, который, по справедливому замечанию Гегеля, состоит в потреблении имеющегося в наличности и особенно ярко проявляется в роскоши личных услуг, буржуазная политическая экономия считала существенно важным неустанно проповедывать накопление капитала, как первый долг гражданина: не может накоплять тот, кто проедает весь свой доход, вместо того, чтобы добрую долю его расходовать на наем добавочных производительных рабочих, приносящих более, чем они стоят» [1]).

Личное потребление производимого соответствует строю натурального, а не капиталистически-денежного хозяйства. Блестящие страницы по этому вопросу мы встречаем у Каутского в «Происхождении христианства».

«Для развития и применения машин в античном мире не было необходимых предпосылок. Не достигло высокой степени развития ремесло, которое могло бы доставлять массами свободные искусные рабочие силы, готовые наняться за определенную заработную плату,—рабочие силы, которые могли бы производить машины и сделать возможным их применение. Мыслители и исследователи не имели поэтому никакого побуждения изобретать машины, которые все равно не нашли бы практического применения. Как только изобретаются машины, которые могут с успехом действовать в производстве, как только находятся многочисленные рабочие силы, которые ищут занятий при производстве и применении машин, последние превращаются в одно из самых могучих орудий конкуренции между предпринимателями. Следствием этой борьбы является усовершенствование и увеличение машин, а вместе с этим растет производительность труда, растет избыток над заработной платой, доставляемый ею, растет также необходимость собирать часть этого избытка, накоплять, чтобы приобрести новые лучшие машины, растет наконец, необходимость постоянно расширять рынок, так как улучшенные машины доставляют все больше продукта, для которого нужно найти сбыт. Таким образом капитал непре-

[1]) К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 573.

рывно увеличивается, производство средств производства занимает все большее место во всей сфере капиталистического производства, и последнее вынуждено искать все новые рынки, чтобы избавиться от созданных при помощи разросшихся средств производства, громадных количеств средств потребления...

«Совершенно иначе происходит развитие в античном мире. Мы уже видели, что рабам в крупном производстве можно ~~можно~~ было дать в руки только самые грубые орудия, что при этом можно было употреблять только грубых и невежественных рабочих, что, следовательно, только крайняя д е ш е в и з н а рабов делала крупное производство до некоторой степени доходным. В владельцах крупных предприятий это вызывало постоянное стремление к войне, как лучшему средству для получения дешовых рабов и к непрерывному расширению государственной территории... Только в этом ненасытном и постоянном стремлении расширить свою область эксплоатации античное крупное производство походит на современное, но не в способе, каким оно применяло к делу избыток, доставляемый растущими армиями рабов. Современный капиталист, как мы уже видели, вынужден большую часть прибыли накоплять, применять ее к делу, чтобы улучшать и расширять свои предприятия, если он только не хочет быть побежден на поле конкуренции. Античный рабовладелец не нуждался в этом. Техническая основа его производства не была выше, или, скорее, была даже ниже, чем техника мелких крестьян, которых он вытеснял. Она не подвергалась процессу постоянного изменения и расширения; наоборот, она оставалась неизменной. Поэтому, все избытки, остававшиеся за покрытием определенных издержек и после замещения орудий скота и рабов, могли быть употреблены рабовладельцем на свои личные удовольствия, даже когда он не был расточителен.

«Конечно, можно было затратить деньги на покупку новых участков, можно было вложить их в торговлю, или отдавать в рост, чтобы извлечь из них барыши, но прибыль эту, в конце-концов, можно было опять-таки затратить только на личные наслаждения. Накопление капитала с целью производства

новых средств производства не имело бы никакого смысла, так как, кроме замещения старых, новые увеличенные средства производства не нашли бы никакого применения.

«Чем больше латифундии вытесняли крестьян, чем больше сосредоточивалось земли и рабов во власти отдельных лиц, тем больше возрастали избытки и сокровища, находившиеся в их распоряжении. Если современного капиталиста характеризует страсть к накоплению капитала, то знатного римлянина времен Империи... отличает страсть к наслаждениям. Современные капиталисты накопили капиталы, в сравнении с которыми богатства самых богатых древних римлян кажутся незначительными. Крезом среди них считался вольноотпущенник Нерона, Нарцисс, имевший состояние в 90 миллионов марок. Что значит эта сумма в сравнении с теми 4.000 миллионов, которые приписываются Рокфеллеру. Но расточительность, которою отличаются американские миллиардеры, несмотря на ее размеры, вряд ли может сравниться с расточительностью их римских предшественников, которые угощали своих гостей соловьиными языками и распускали в вине жемчужины» [1]).

Это удовлетворение страсти к потреблению стремятся выставить в нашем строе, как единственную цель хозяйственной деятельности, когда требуют не устанавливать никаких ограничений для права (собственности). Но, как видим, тот, кто выставляет такие требования, не только не считается с основами капиталистического производства, «не только смешивает потребительную стоимость и меновую стоимость, но с чисто-детской наивностью подменяет общество с развитым товарным производством таким строем, при котором производитель сам создает средства своего существования и бросает в обращение лишь избыток, остающийся по удовлетворении собственных потребностей» [2]).

При капиталистическом производстве потребление не является целью. «Потребительная стоимость при товарном производстве вообще не представляет вещи, qu'on aime pour

---

[1]) К. Каутский, «Происхождение христианства», стр. 51—53.
[2]) К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 129.

lui-même (которую любят ради нее самой) [1]. «Простое товарное обращение—продажа ради купли—служит средством для достижения конечного результата, лежащего вне обращения, для присвоения потребительных стоимостей, для удовлетворения потребностей. Напротив, обращение денег в качестве капитала, есть самоцель, так как самовозрастание стоимости осуществляется лишь в пределах этого постоянно возобновляющегося движения. Поэтому движение капитала не знает границ. Как сознательный носитель этого движения, владелец денег становится капиталистом. Его личность, или, точнее, его карман—вот тот пункт, откуда исходят и куда возвращаются деньги. Объективное содержание этого обращения—возрастание стоимости—есть его субъективная цель, и поскольку растущее присвоение абстрактного богатства является единственным движущим мотивом его операции, постольку—и лишь постольку—он функционирует как капиталист, т.-е. как олицетворенный, одаренный волей и сознанием капитал. Поэтому потребительную стоимость отнюдь нельзя рассматривать, как непосредственную цель капиталиста. Главным образом не получение единичной прибыли является его целью, но ее неустанное движение» [2].

«Предположение, что движущим мотивом служит личное потребление, а не самое обогащение, устраняет самую основу капитализма» [3].

«Предположение, будто накопление совершается за счет потребления,—понимаемое в такой общей форме,—само по себе представляет иллюзию, противоречащую сущности капиталистического производства, так как при этом подразумевается, что целью и побудительным мотивом последнего служит потребление, а не получение прибавочной стоимости и ее капитализация, т.-е. накопление» [4].

«Накопление или производство в увеличенных размерах, являясь средством к постоянному расширению производства

---

[1]) Там же, стр. 157.
[2]) Там же, стр. 122—123.
[3]) Там же, т. II, изд. 1923 г., стр. 93.
[4]) Там же, т. II, стр. 480.

прибавочной стоимости, а потому и к обогащению капиталиста, являясь личной целью последнего, составляя одну из общих тенденций капиталистического производства... благодаря своему развитию превращается в необходимость для каждого отдельного капиталиста. Постоянное увеличение капитала становится условием его сохранения» [1]).

Мало того: при капиталистическом производстве руководящим мотивом не является и удовлетворение чужих потребностей. «Количество товарных масс, создаваемых капиталистическим производством, определяется масштабом этого производства и потребностью в его постоянном расширении, но отнюдь не предопределяется ни размером спроса и предложения, ни размером потребностей, подлежащих удовлетворению» [2]).

«Побудительный мотив капиталистического производства—делание денег. Производственный процесс является лишь необходимым злом, неминуемым средством для делания денег. (Поэтому все нации с капиталистическим способом производства периодически переживают манию мошенничеств, при помощи которых они рассчитывают совершить делание денег без посредства производительного процесса)» [3]).

Прибавочный продукт, получаемый от рабочего и предназначенный для накопления не может—при капиталистическом производстве—состоять из предметов потребления класса капиталистов. «Из чего состоит этот прибавочный продукт? Быть-может, из предметов, предназначенных для удовлетворения потребностей и прихотей класса капиталистов,—предметов, входящих, таким образом, в их потребительный фонд? Если бы это было так, то прибавочная стоимость была бы прокучена до последнего гроша, и мы имели бы пред собой простое воспроизводство» [4]).

«Отличительный признак (differentia specifica) капиталистического производства... Производство прибавочной стоимости

---

[1]) Там же, т. II, стр. 52.
[2]) Там же, т. II, стр. 49.
[3]) Там же, т. II, стр. 30.
[4]) Там же, т. I, стр. 565.

или обогащение—вот каков абсолютный закон этого способа производства» [1]).

Это исключительное стремление капиталистов, олицетворенного капитала к прибыли, к деланию денег и только к этому, весьма метко охарактеризовал еще в 1860 г. цитируемый Марксом англичанин Деннинг: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличности достаточная прибыль, капитал становится смел. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову; при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы; при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы».

За последнее время даже буржуазные экономисты и социологи начинают признавать это стремление к постоянному расширению производства, как необходимость для каждого отдельного капиталиста. Вместо многих цитат приведем только блестящие строки некогда радикального профессора Зомбарта, ставшего недавно монархистом и фашистом. «Стремление современного хозяйственного субъекта направляется на возможно большее приобретение и на возможно большее процветание дела. При этом даже выгода, барыш не всегда составляют интерес предпринимателя; то, что важнее всего для него, это самое «дело», как таковое. Предприятие стоит по отношению к нему, как некоторое живое существо, которое в своем счетоводстве, организации и фирме ведет свое особое, независимое хозяйственное существование. Но это существование имеет свои законы. Для его процветания и развития нет никаких естественных преград, хотя бы в роде того «соответственного состоянию» содержания, которое было целью хозяйственной деятельности в более раннее время. Нет такого пункта в развитии «дела», когда бы можно было сказать «довольно». С другой стороны, сплошь и рядом самое существование предприятия требует его расширения;

[1]) Там же, стр. 607.

ему предстоит дилемма: или развиваться и расширяться, или пойти назад и погибнуть. Везде мы наталкиваемся на некоторый особый вид психического принуждения. Часто предприниматель не желал бы итти вперед, но он должен. «Мы все надеемся,—говорил известный Карнеджи,—что нам не придется расширяться далее, но каждый раз мы вынуждены это делать, так как отказ от расширения обозначал бы движение назад». У большинства предпринимателей эта зависимость и подневольность даже не доходит до их сознания. Если спросить их, к чему, собственно, это постоянное стремление к развитию дела, они посмотрят на вас с изумлением и, конечно, ответят, что это понятно само собой, что этого требует процветание хозяйственной жизни, т.-е. в конечном счете процветание того же хозяйственного аппарата, как такового... Современный хозяйственный человек втянут в ремни своего предприятия и вертится вместе с ним. Для его личной добродетели нет места, так как он находится в подчиненном положении, в принудительной зависимости от этого последнего. Темп предприятия определяет его собственный темп; он так же мало может быть ленивым, как рабочий при неустанно работающей машине» [1]).

И несмотря на все это, несмотря на раскрытие действительной социальной психологии класса капиталистов, нас хотят убедить, нам заявляют, что политика права требует предоставления неограниченного права использования, неограниченного права распоряжения в области имущественных отношений, что если мы не дадим этого неограниченного права, никто не станет заниматься производством. Весь строй капиталистического производства, с его постоянным революционированием стоимости общественного капитала, не дает почти никакой обеспеченности отдельным капиталистам, ставит их под постоянную угрозу разорения. «Капиталистическому производству как-раз свойственно непрерывное изменение отношений стоимости вследствие постоянных изменений в производительности труда, характеризующих капиталистическое производство» [2]). «Если совершается революция в

[1]) Werner Sombart, «Der Bourgeois», 1913, стр. 212 сл.
[2]) К. Маркс, «Капитал», т. II, стр. 46.

стоимости общественного капитала, то может случиться, что индивидуальный капитал данного капиталиста не справится с переворотом и погибнет, так как он не в состоянии сообразоваться с условиями этого изменения стоимости. Чем резче и чаще становятся революции в стоимости, чем больше автоматическое, действующее с силой стихийного процесса природы движение капитальной стоимости, достигшей самостоятельного существования, торжествует над предусмотрительностью и расчетами единичного капиталиста, тем более течение нормального производства подчиняется ненормальной спекуляции, тем большей опасности подвергается существование единичных капиталов» [1]).

Но разве эти соображения отталкивают капиталистов от приложения капитала, от хозяйственной деятельности? Неограниченная свобода распоряжения — употребления и злоупотребления (usus et abusus) своим имуществом—сложилась в римском праве при очерченном выше строе рабовладельческого хозяйства. При переходе от феодальной к буржуазной эпохе эти идеи—вместе с возрождением, рецепцией римского права—были восприняты либеральной школой, были усвоены и во время французской революции. Но они совершенно не соответствуют даже позднейшей эпохе буржуазно-капиталистического развития. Развитие капитализма и появление на арене пролетариата лишили всякого содержания эти индивидуалистические идеи неограниченности прав (собственности). Но шелуха этих идей продолжала носиться в воздухе и ее уловили наши современные—и даже в стране пролетарской диктатуры обитающие—юристы.

Цитируемый Марксом английский главный санитарный врач Симон еще в 60-х годах прошлого столетия выражал в своем официальном отчете следующие сомнения: «Насколько в намерения английской конституции и законов входило установление такого рода безусловной земельной собственности, которая дает лендлорду возможность «делать со своей собственностью, что он хочет», относиться к возделывателям земли как к чужестранцам и сгонять их со своей территории,—

[1]) Там же, стр. 79.

это вопрос, обсуждение которого не входит в задачу моего отчета» [1]). К концу прошлого столетия и в особенности в начале нынешнего весьма умножились голоса даже буржуазных юристов, которые не только отрицали необходимость индивидуалистических неограниченных прав (собственности), но и доказывали, что в действительной жизни нет этих неограниченных прав собственности. Наконец, послевоенные конституции буржуазных, не только республиканских, но и монархических стран также включили в себя статьи об ограничении прав (собственности). И после всего этого не только при обсуждении нашего проекта гражданского кодекса, но и после его издания и введения в действие, нас продолжают угощать старо-римским хламом, выдавая его за само собою разумеющуюся истину, которая содержится во всех «западно-европейских законодательствах» [2]).

Иногда выставляют для оправдания необходимости неограниченных прав (обязательственных, договорных) еще одно утверждение: этого, говорят, требуют «интересы оборота», «интересы торговли». Если установить ограничения договоров, то это нанесет,—так уверяют не только за границей, при господстве буржуазного строя, но и у нас, при строе диктатуры пролетариата,—большой ущерб обороту, повредит интересам торговли. Но такие утверждения обозначают не что иное, как фетишизирование таких понятий, как торговля и оборот. Торговля не сама по себе и не при всех условиях является ценным и полезным институтом. Оборот бывает разный: такой, который необходимо поддерживать, и такой, против которого необходимо бороться. В последующих главах мы убедимся, что, когда в странах буржуазного строя говорят об интересах оборота, то имеют в виду своекорыстные интересы узких групп господствующего, эксплоататорского

---

[1]) Там же, т. I, стр. 676.

[2]) Ср. К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 757. «К этому готовому миру капитала экономист с тем большим усердием и умилением прилагает юридические представления и собственнические представления, относящиеся к докапиталистическому миру, чем громче вопиют факты против его идеологии».

класса. Оборот есть чересчур общее понятие, прикрывающее разноречивые интересы. Говоря о таких общих понятиях, как, например, «общественная потребность», Маркс заявляет: «Отметим здесь совсем мимоходом, что «общественная потребность», т.-е. то, что, как уверяют, регулирует принцип спроса, существенно обусловливается отношением различных классов друг к другу и их взаимным экономическим положением» [1]). То же самое можно сказать и об обороте, о действительном общественном обороте, а не о том, интересующем лишь крупный капитал обороте, который выдается за весь общественный оборот.

А интересы торговли в качестве основного мотива для полной свободы договоров, для неограничения прав? Выставлять интересы торговли в качестве такого мотива могут лишь те, кто признает торговлю вечным, всегда полезным и разумным институтом, кто делает из торговли идола, кто торговлю фетишизирует. Маркс характеризует литературным лакеем, находившимся на содержании английской олигархии, известного Эдмунда Берка, который в начале прошлого века уверял: «Законы торговли суть законы природы, а следовательно, законы самого бога». В действительности же торговля является в лучшем случае необходимым злом, а при известных общественных условиях и злом, вполне устранимым, отнюдь не необходимым. «Капиталистическое производство,—говорит Маркс,—благодаря методу распределения своих продуктов при помощи торговли оказывается весьма расточительным в расходовании материальных средств, при чем для общества теряется то, что выигрывается для отдельных капиталистов» [2]).

Торговля не является рациональным для всех строев способом распределения материальных благ. И свобода торговли была в свое время провозглашена буржуазией только в противовес ставшим для нее невыносимым феодальным стеснениям. Феодальные стеснения эти имели свою хорошую сторону на-ряду с плохими сторонами. «Средневековые

---

[1]) Там же, т. III, стр. 160.
[2]) Там же, т. III, стр. 61—

цеховые мастера работали только на местный рынок, для соседей; они установили строгий контроль над производством; чтобы обеспечить им надзор, двери и окна мастерских оставались открытыми во все время работы; средневековые ремесленники работали буквально на глазах публики. Товары, прежде чем поступить в продажу, подвергались контролю, отмечались пломбою или каким-нибудь другим знаком, удостоверяющим, что цех ручается за их хорошее качество». Население было тогда гарантировано от фальсифицированных продуктов, от суррогатов, в то время как, напр., в современной Америке нет в продаже почти ни одного не фальсифицированного предмета потребления. И если помнить и не забывать причины, вызвавшие требование «свободы торговли», освобождения ее от контроля, от всякого общественного надзора, то не будет возможности сохранять почтительное отношение к «свободе торговли». Тогда станут вполне понятны такие утверждения по этому вопросу, как, например: «Этот беспрестанный контроль, стеснявший и подавлявший полет гения воровства капиталистической буржуазии, был одной из серьезных причин неудовольствия против цехов... Первым актом капиталистической буржуазии, пришедшей в 1789 году к власти, было провозглашение свободы воровства путем освобождения торговли и промышленности от всякого контроля» [1].

Мы не чтим торговлю, как таковую, при всяких обстоятельствах. Ясно, поэтому, что мы не согласны «интересы торговли» ставить во главу угла, обусловливать этими интересами необходимость принятия тех или иных мер, в частности устанавливать неограниченное договорное право. «Интересы торговли» в устах буржуазного идеолога означают интересы торговой группы класса капиталистов, которые,—поскольку они пользуются властью,—требуют снятия с них всяких ограничений в деле навязывания ими своих условий потребителям, т.-е. массе населения.

---

[1]) П. Лафарг, «Экономический детерминизм», стр. 159—160.

Частно-имущественные права предоставлены у нас в целях развития производительных сил страны. Поэтому взамен буржуазных «правно-политических соображений», разобранных выше и скрывающих в себе (иногда даже и устарелую и отжившую) защиту интересов тех или иных группок эксплоатирующего класса, мы выставляем правило: мы предоставляем права, поскольку того требует, поскольку этим достигается развитие производительных сил, т.-е. развитие народного хозяйства в целом, предназначенного удовлетворять потребности широких и широчайших масс населения. Этот принцип ясен, не скрывает в себе интересов отдельных группок, господствующих над массами, а, наоборот, готов жертвовать интересами отдельных лиц, для достижения общей поставленной цели.

Развитие производительных сил общества есть цель, само собою разумеется, более высокая, чем развитие оборота или торговли. Нам хотелось бы привести здесь обширную выписку о значении, о колоссальном значении этого принципа.

«Масса действительного накопленного богатства, рассматриваемая с количественной стороны,.. чрезвычайно незначительна по сравнению с производительными силами общества, которому она принадлежит, на какой бы ступени цивилизации ни стояло общество, или даже по сравнению с действительным потреблением этого самого общества в продолжение только немногих лет; настолько незначительна, что главное внимание законодателей и экономистов должно было бы направляться на производительные силы и на их будущее свободное развитие, а не на одно только накопленное богатство, которое бросается в глаза, как это было до настоящего времени. Несравненно большая часть так-называемого накопленного богатства только номинальна и состоит не из действительных предметов: кораблей, домов, хлопчато-бумажных товаров, земельных улучшений, а из простых юридических титулов, из притязаний на будущие производственные силы общества, из юридических титулов, появившихся и увековеченных благодаря средствам и учреждениям, свойственным состоянию необеспеченности... Немногие задумываются над тем, а большинство совершен-

но не подозревает, как ничтожно и по величине, и по своему влиянию фактическое накопление общества по сравнению с производительными силами человечества, даже с обычным потреблением одного поколения в продолжение немногих лет. Причина очевидна, но влияние очень пагубно. Богатство, потребляемое ежегодно исчезает вместе с потреблением, оно находится перед глазами только на одно мгновение и производит впечатление, только пока им наслаждаются, или пока его потребляют. Но часть богатства, потребляемая лишь медленно, мебель, машины, здания стоят перед нашими глазами с нашего детства и до старости прочными памятниками человеческих усилий. Вследствие обладания этой устойчивой, прочной, лишь медленно потребляемой частью общественного богатства—землей и сырыми материалами, к которым прилагается труд, орудиями, которыми выполняется труд, домами, которые служат кровом во время работы,—вследствие такого обладания собственники этих предметов в своих личных выгодах овладевают годичными производительными силами всех действительно производительных работников общества, как бы ни были незначительны эти предметы по сравнению с постоянно возобновляемыми продуктами этого труда. Население Британии и Ирландии равно 20 миллионам; среднее потребление каждого человека—мужчины, женщины и ребенка—составляет, вероятно, около 20 фунтов (стерлингов); ежегодно потребляемый продукт труда составляет поэтому богатство приблизительно в 400 миллионов фунтов. Общая сумма накопленного капитала в этих странах не превышает, по предположениям, 1.200 миллионов, или утроенного годового продукта труда; разделяя поровну, получим 60 фунтов на человека; здесь для нас важно скорее отношение, чем более или менее точный абсолютный итог этих предположительных сумм. Процентов со всего этого капитала хватило бы лишь на то, чтобы содержать все население при его современном уровне жизни около двух месяцев в году, а всего накопленного капитала (если бы нашлись на него покупатели) достало бы на содержание этого населения, без всякого труда, в продолжение всего трех лет! По прошествии этого времени, лишенные жилищ, платья

и пищи, люди должны были бы погибнуть с голоду или же сделаться рабами тех, кто содержал их в течение трех лет. Как три года относятся к продолжительности жизни одного здорового поколения, скажем, к 40 годам, так относится величина и значение действительного богатства, накопленного капитала даже самой богатой страны к ее производительным силам, к производительным силам одного только поколения людей; не к тому, что они могли бы произвести при разумном порядке, при одинаковой для всех обеспеченности и в особенности при кооперативном труде, а к тому, что они действительно абсолютно производят при несовершенном порядке, при общей необеспеченности, лишающей бодрости духа!.. И для того, чтобы увековечить и сохранить в своем настоящем состоянии вынужденного разделения эту, по видимости, огромную массу существующего капитала или, лучше сказать, чтобы сохранить и увековечить приобретаемые при ее посредстве власть и монопольное владение продуктом готового труда, должен быть увековечен весь чудовищный механизм со своими пороками, преступлениями и страданиями необеспеченности. При такой громадной массе годового производства и потребления дело едва ли могло пройти без горсточки накопления; и, однако, главное внимание было устремлено не на массу производительных сил, а на эту горсточку накопления... Толпа изумленно смотрит на накопленные массы, особенно, если они сосредоточены в немногих руках. Но ежегодно производимые массы, как вечные неисчислимые волны могучего потока, катятся мимо и теряются в бесконечном океане потребления. И, однако, это вечное потребление обусловливает не только все наслаждения, но и существование всего человеческого рода... Почти во всех других системах производительные силы рассматривались как вопрос второстепенный по отношению к накоплению и увековечению существующего способа распределения. По сравнению с сохранением этого существующего способа распределения считается не заслуживающею внимания постоянно возобновляющаяся нищета или благосостояние всего человеческого рода. Увековечив результаты насилия, обмана и случайности, назвали это безопасностью, и для сохранения

этой измышленной безопасности безжалостно приносятся в жертву все производительные силы человечества» [1]).

Что таково отношение к развитию производительных сил в капиталистическом строе,—подтверждается и Марксом: «Капиталистическое производство, если мы будем рассматривать его обособленно, отвлекаясь от процесса обращения и опустошений, вызываемых конкуренцией, обращается крайне бережно с трудом уже осуществленным, воплощенным в товарах. Напротив, оно в несравненно большей степени, чем всякий другой способ производства, является расточителем людей, живого труда,—расточителем не только тела и крови, но и нервов и мозга. В самом деле только благодаря колоссальному расточению индивидуального развития обеспечивается и осуществляется развитие человечества в эту историческую эпоху, непосредственно предшествующую сознательному переустройству человеческого общества» [2]).

И, тем не менее, даже это косвенным путем, ценою таких расточительных жертв достигаемое при капиталистическом строе развитие производительных сил есть крайне важная положительная сторона этого строя. «Развитие производительных сил общественного труда—это историческая задача и оправдание капитала. Именно так он бессознательно создает материальные условия более высокой формы производства» [3]).

Мы, живя в советских странах не при капиталистическом строе, а в переходном от капитализма к коммунизму строе, не бессознательно, а сознательно стремимся к развитию производительных сил. Это развитие производительных сил не косвенно вытекает из нашей деятельности, а является прямой и непосредственной нашей целью. Поэтому мы принимаем меры, устанавливаем правила, даем «права» в пределах, диктуемых этой основной целью.

---

[1]) См цит. у Маркса во II т. «Капитала», стр. 294—297 William Thompson, «Inquiry into the Principles of Distribution of Wealfh» (Начала распределения богатства), 1850 г., первое издание этой книги появилось в 1827 г. и хотя ей уже около ста лет, но она не устарела и до наших дней.

[2]) См. К. Маркс, «Капитал», т. III, стр. 63—64.

[3]) Там же, т. II, стр. 241.

Нельзя сказать поэтому, что размер и характер этих предоставляемых нами прав есть нечто незыблемое, не поддающееся изменению, не подлежащее ни сужению, ни, тем более, расширению. Выше уже было указано, что благодаря тому, что французская буржуазная революция разразилась спустя сто лет после английской и, следовательно, при более зрелых условиях, она покончила с феодализмом на-чистоту. Это означает, что английская буржуазная революция, происшедшая на сто лет ранее французской и, следовательно, при менее зрелых условиях, оставила много феодального, сохранившегося и до наших дней. Пролетарские революции также совершаются при различных, более или менее зрелых условиях.

Наша пролетарская революция произошла раньше всех других и уже по одному этому ее следует признать происшедшей при менее зрелых условиях. К тому же совершилась она в одной из наиболее отсталых в экономическом отношении стран. Предстоящая пролетарская революция в Германии произойдет не только позже, но и в такой стране, в которой условия экономические были более зрелыми, чем у нас шесть лет тому назад. Она гораздо радикальнее покончит с остатками буржуазного строя. Там для развития производительных сил придется и можно будет предоставить меньше «прав», чем у нас. Еще меньше можно будет предоставить этих «прав» в Америке. Такое же уменьшение этих «прав» может наступить и у нас по мере развития наших производительных сил, по мере того, как условия будут становиться у нас все более и более зрелыми. Динамический процесс развития производительных сил будет сокращать область необходимых уступок прежнему строю. С ним всегда придется считаться нашему законодателю, потому что, в противном случае, сам этот процесс займется, по выражению Маркса, «исправлением произвольных нарушений, произведенных государственной властью».

ГЛАВА III.

Частное и публичное право.

Книжка моя носит заглавие «Основы частного имущественного права». Можно было бы поэтому подумать, что я придерживаюсь и, что необходимо придерживаться трафаретного деления права на частное и публичное. На самом деле это не так. Это деление считалось в кругах буржуазных юристов одной из основных идей XIX века, т.-е. сугубо буржуазного столетия. Однако, попытки уточнить и объяснить это деление кончались даже у самых талантливых юристов неудачей. Объясняется это тем, что они не могли,—это было не в интересах господствующего класса,—растолковать причины появления этого деления. Буржуазия при феодальном строе стремилась оградить себя от покушений государственной власти, государства, которое еще не было ее орудием, ее государством. Идеологи буржуазии стали вырабатывать соответственные «принципы». Наиболее рельефно этот принцип был установлен юристом и публицистом Бодэном еще задолго до французской революции. Он установил, что государственная власть не безгранична, что суверенитет государства ограничен основными правами людей, граждан, т.-е. буржуа. К числу этих прав относится на первом месте право собственности. Собственность, частная собственность неприкосновенна не только со стороны других граждан, но и со стороны самого государства. Даже государственная власть не может—и при помощи закона—отнять эту собственность у частного лица, мешать ему в распоряжении ею, ограничивать его в сношениях с другими лицами по поводу этой собственности и т. д. Словом, собственность священная и неприкосновенна. И буржуазия, победившая феодалов во Франции и рванувшаяся к самостоятельной, независимой от Англии власти в Америке, торжественно провозгласила этот «принцип» в декларациях прав человека и гражданина.

Хотя государственная власть была выбита из рук феодалов, но буржуазия еще не чувствовала уверенности, что «государство—это она». Она еще не могла сказать, подобно Лю-

довику XIV: «Государство—это я». Она поэтому отстояла принцип, что государство не в праве вмешиваться в отношения между гражданами,—это область частного права, где связь между гражданами может установиться только в результате их частной доброй воли, соглашения между ними. Правда, задача государства охранять эти соглашения, раз они состоялись: государство—ночной сторож для охраны этих соглашений, но вмешиваться в их заключение оно не должно. И всякие законы, которые нарушали бы неприкосновенность собственности, которые налагали бы ограничение на безграничную свободу распоряжения ею, которые ограничили бы «свободу договоров», «свободу труда», т.-е. неограниченную возможность эксплоатации экономически сильным экономически слабого, эксплоатации капиталистом рабочего,—всякого рода такие законы следовало бы признавать недействительными, не подлежащими исполнению, как нарушающие основные права человека и гражданина, а власть, их издавшую,—преступной властью, против которой допустимо «священное» право восстания.

И в первые десятилетия XIX века это правило проводилось неукоснительно. Частное право, гражданское право—область, куда государственная власть не вмешивается; она вмешивается только в область отведенного ей публичного права, она только эту последнюю область непосредственно регулирует. И когда рабочие стали требовать вмешательства государства для ограждения их времени, их здоровья, их жизни, жизни и здоровья их жен и детей от беззастенчивой жажды капитала к накоплению, когда мелкая буржуазия, разоряемая и экспроприируемая крупным капиталом, стала обращаться к государственной власти с просьбой наложить узду на этот капитал,—они долгое время получали в ответ: вы посягаете на неприкосновенное и священное право собственности, вы посягаете на свободу договоров, на свободу экономических соглашений.

Во Франции и в Америке до 70-х годов прошлого столетия и слышать не хотели об ограничении времени взрослых рабочих. В Америке высший суд еще в 70-х годах признал противным конституции («свобода труда») закон об

ограничении труда малолетних: конституция охраняет «священное» право собственности в его безграничной форме от всякого посягательства со стороны государства.

Но со второй половины XIX века, когда буржуазия укрепилась чрезвычайно, когда государство стало ее, буржуазным государством, она стала терять страх перед вмешательством государственной власти в область «частно-правовых» отношений. Стали не только раздаваться отдельные голоса о необходимости защиты экономически-слабого от экономически-сильного. Стали издаваться отдельные законы, с виду посягавшие на неприкосновенное право собственности. Первым из таких законов был закон о принудительном отчуждении собственности от владельца в целях общественной пользы, напр., для проведения железной дороги. Здесь, как видно, под общественной пользой разумелась польза крупных капиталистов, железнодорожных концессионеров. И в дальнейшем также всегда на словах проводилась социальная польза, а на деле осуществлялись выгоды крупного капитала. Ради этой, якобы, социальной, а на деле капиталистической пользы, отказывались от принципа невмешательства государства в область частно-правовых отношений. Тем самым подрывалась почва под делением права на частное и публичное.

Во французском гражданском кодексе, который был издан в начале прошлого столетия, указывалось, что нормы, касающиеся договорного права, применяются только тогда, когда стороны не урегулируют своих отношений иначе: от сторон, от частных лиц зависело так или иначе сговориться, предусмотреть все последствия своих обязательств, свобода договора формально сохранялась целиком. И только в том случае, когда стороны чего-либо не предусмотрят, забудут, совсем не урегулируют, должны выступить на сцену, применяться нормы, написанные в законе и изображающие собою «предполагаемую волю сторон», т.-е. средний здравый смысл буржуа. Вот какая скромная роль отводилась «законодателю», он лакей на запятках буржуазной колесницы.

В буржуазных гражданских кодексах, которые вырабатывались в конце прошлого и в начале нынешнего столетия, в германском гражданском уложении 1896 г. и в швейцар-

ском обязательственном праве 1911 г., имеется огромное число параграфов, касающихся договорных отношений,—параграфов, от содержания которых стороны не могут отступить; таких параграфов особенно много в швейцарском обязательственном праве—чуть не половина.

Царская Россия во многих отношениях была похожа на провинциальную модницу, которая с огромным опозданием примеряет парижские моды. Во внесенном в государственную думу в 1913 г. проекте, обязательственного права указанное выше правило французского кодекса, с опозданием на столетие, красовалось в нетронутом виде. Этой идеи невмешательства государства в «частно-правовые» отношения цепко держались не только царские чиновники. Эту идею, необходимость строго отделять право частное от публичного, отстаивают и в наши дни при советском режиме очень многие наши «беспартийные» юристы. Не чужда она даже и коммунистам [1]).

Выше мы уже приводили мнение английского санитарного врача, который еще в 60-х годах прошлого столетия сомневался в том, «насколько в намерения английской конституции и законов входило установление такого рода безусловной земельной собственности, которая дает лендлорду возможность делать со своею собственностью, что он хочет». Современные послевоенные конституции, не только республиканских, но даже и монархических стран записывают правило как-раз обратное. Мы их уже выше цитировали. Напомним об этом еще раз. «Собственность обязывает,—говорит германская конституция,—ее использование должно в то же время служить общему благу. Земельная собственность, приобретение которой необходимо для удовлетворения жилищной нужды, для содействия колонизации, или для поднятия сельского хозяйства, может быть принудительно отчуждена». В сербской (югославской) конституции написано:

[1]) Так, напр., при выработке у нас гражданского кодекса, Я. А. Берман ставил нашему кодексу задачу: дать определение гражданского права в его отличии от публичного («Марксизм и гражданский кодекс», журн. «Советское Право», 1922 г., № 3, стр. 97). Ср. также С. В. Александровский, «Гражданское Право» Р.С.Ф.С.Р.

«Свобода заключать договоры при экономических отношениях признается в той мере, в какой она не противоречит социальному интересу». «В интересах общества и на основании закона государство имеет право и обязанность вмешательства в экономические отношения граждан в духе справедливости и с целью устранения социальных конфликтов». Сходны постановления румынской конституции. Такие же постановления должны были содержаться в австрийской конституции. Но при ее выработке стороны (социалисты под главенством Карла Реннера и остальные партии) не могли сойтись на компромиссе и поэтому согласились ничего не говорить по этому вопросу и оставить в силе закон австрийского императора от 70-х годов.

Идея французских буржуа времен революции: государство не в праве вмешиваться в отношения частной собственности, здесь заменена прямо противоположной: государство имеет право и обязанность вмешательства в экономические отношения граждан. Принципиальная разница между частным и публичным правом исчезает. Немудрено поэтому, что иностранные буржуазные юристы в значительной своей части отказываются от этого деления [1]).

Не следует, конечно, думать, что эта перемена взглядов не только конституций, но даже и юристов свидетельствует об их стремлении помочь угнетенным массам, экономически слабым. Пока сохраняется капиталистический строй, его «дух справедливости» направлен на защиту интересов крупного капитала. Вмешательство государства в частные отношения, с точки зрения господствующей в обществе группы капиталистов, «справедливо» и допустимо лишь постольку, поскольку оно, вмешательство это, затрогивая интересы каких-угодно имущих групп, не затрогивает основных интересов господствующей капиталистической группы.

Маркс изображает следующим образом ход развития капиталистического строя. «Экспроприация у широких народных масс земли, средств существования, орудий труда, эта ужас-

[1]) См. мою книгу «Хозяйственное право», т. I, изд. 3-е, стр. 8 и 9, где я цитирую ряд таких юристов.

ная и трудная экспроприация народной массы образует пролог истории капитала... Экспроприация непосредственных производителей совершается с беспощадным вандализмом, ее движущими пружинами являются самые бесстыдные, грязные, отвратительные и мелочные страсти. Частная собственность, добываемая личным трудом, покоящаяся, так-сказать, на естественном сращении отдельного независимого рабочего с условиями его труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплоатации чужого, хотя формально и свободного труда. Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество в глубину и ширину, когда рабочие уже превращены в пролетариев, а условия их труда—в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно-эксплоатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Экспроприации подлежит теперь не самостоятельно хозяйствующий рабочий, а эксплоатирующий многих рабочих капиталист. Эта экспроприация осуществляется действием имманентных законов самого капиталистического производства, централизацией капиталов. Один капиталист убивает многих [1]).

В дальнейшем капитал не прочь на помощь «имманентным законам» капиталистического производства призвать положительные государственные законы. Ниже я покажу, как «социальные» послевоенные законы о квартирной плате, во многих капиталистических странах введенные, якобы, «в интересах общества» и «в духе справедливости», в действительности обозначают прямую непосредственную экспроприацию собственности городских домовладельцев в пользу крупного капитала. Такой же экспроприацией землевладельцев являются законы о понижении цен на предметы продовольствия, также практиковавшиеся после войны во многих странах. Характерно для цитированной выше германской консти-

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 755—756.

туции, что она говорит о возможности принудительного отчуждения (для жилищ, для колонизации и т. д.) только по отношению к земельной собственности, к землевладельцам, которых капиталисты давно уже считают паразитами, бездельниками и тунеядцами. Характерно также, что во всех новообразовавшихся после войны государствах произведена та или иная земельная реформа, которая свелась к большей или меньшей экспроприации землевладельцев для успокоения населения в целях предотвращения похода на капиталистический строй. Но нигде, не только в действительности, но хотя бы и в конституциях буржуазных государств не записали права государства принудительно отчудить капиталы или даже капиталистическую прибыль для удовлетворения неотложных нужд населения.

Таким образом, отказ от неприкосновенности частной собственности, отказ от деления права на частное и публичное в иностранных конституциях и законах и в устах иностранных буржуазных юристов не означает защиты интересов эксплоатируемых масс, а представляет собою своеобразное проявление защиты интересов капиталистов. Но отсюда, конечно, не следует, что необходимо защищать деление права на частное и публичное, т.-е. неприкосновенность частной собственности, как это делает множество наших юристов. Отстаивая эту устарелую систему, наши юристы не могут найти никакого оправдания. «Этикетка системы, по словам Маркса, отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца». Наши продавцы едва ли обманываются насчет содержания, прикрываемого этикеткой, устарелой системы деления права на частное и публичное.

Наш гражданский кодекс исходит из совершенно иных начал. Он делает выводы из того, что предоставленные нашим правопорядком частные права, имущественные права подчинены общей цели — развитию производительных сил. Стороны у нас, по общему правилу (как-раз обратное тому, что имеется во французском кодексе начала XIX в. и в царском проекте, напялившем на себя эту парижскую моду более чем сто лет спустя), не могут отступать от норм,

установленных в законе. Государство не только при помощи законов, но и через посредство органов власти может вмешиваться в отношения между гражданами, с целью устранения чрезмерного притеснения экономически-сильным экономически-слабого. По ст. 33 нашего гражданского кодекса, когда лицо, под влиянием крайней нужды вступило в явно невыгодную для себя сделку, суд, не только по требованию потерпевшей стороны, но и подлежащих государственных органов и даже общественных организаций, может либо признать сделку недействительной, либо прекратить ее действие на будущее время. Этот порядок подкреплен и в гражданско-процессуальном кодексе, согласно которому гражданские дела могут быть начаты в суде не только истцами (т.-е. частными лицами), но и (за и вместо них) прокурором, т.-е. органом власти. От кабальных сделок сторона должна и может быть защищена даже и помимо ее воли.

Все эти постановления наших законов, которые мы перечислили: и ограничения защиты прав, если они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением, и предоставление прав в целях развития производительных сил, и не восполнительный, а, наоборот, обязательный характер установленных в законе договорных норм, и допущение вмешательства органов власти в отношения между гражданами в целях предотвращения кабальных сделок,—словом, все эти постановления, стирающие у нас грань между правом гражданским, частным и публичным, все они направлены на то, чтобы обуздать произвол, даваемый частной собственностью, чтобы ввести этот произвол в разумные, не выходящие за пределы поставленной социальной цели, а посему и допустимые с точки зрения нашего правопорядка—рамки. И как невежественны и апологетичны утверждения о том, что эти ограничения произвола являются совершенно недопустимым произволом по адресу собственника. А такие утверждения со стороны наших юристов мы слышим сплошь да рядом, и не только со стороны юристов.

ГЛАВА IV.

Правоспособность и дееспособность.

Выше (глава I) указано, что мы не признаем естественного права, права прирожденного, свойственного человеку, как таковому. И хотя сказанное там относилось к идее права, то же самое должно быть отнесено и к самой возможности обладать правами вообще, обладать частно-имущественными правами в частности. Эта возможность обладать теми или иными правами, также не дается от природы, а предоставляется правопорядком, соответствующим социальному строю и меняющимся в связи с изменениями последнего. Возможность обладать теми или иными имущественными правами. или иначе правоспособность (имущественная) также менялась с ходом исторического развития. Она была одной в рабском, другой в феодальном, третьей в капиталистическом строе. Предел имущественной правоспособности был чрезвычайно узок в феодальном строе. Лица могли приобретать имущество, в связи с выполнением определенной работы, занятия определенным промыслом, но тот, кто мог заниматься одним промыслом, не мог заниматься другим. В царской России, даже в XX столетии было чрезвычайно велико число изъятий из неограниченной правоспособности. Было ограничено не только право приобретения определенных имуществ для обширных кругов населения (напр., приобретение недвижимости евреями и поляками), занятия определенными профессиями, но даже и самое право передвижения, выбора места для проживания.

В течение нескольких лет у нас (1918—1921) мы были свидетелями почти полного отсутствия частно-имущественной правоспособности.

Можно ли сказать, что неограниченная частно-имущественная правоспособность есть цель, к которой стремилось человечество, что все уклонения от этой цели в прошлом свидетельствовали только о низшей ступени развития человечества, что отступления от этой частно-имущественной пра-

воспособности в настоящее время явились бы шагом назад по сравнению с достигнутым при капиталистическом строе? Утверждать этого нельзя было бы и в том случае, если смотреть на капиталистический строй, как на крайнее достижение прогресса. А мы видели, что так именно рассматривают капиталистический строй его идеологи.

В эпоху, непосредственно предшествовавшую буржуазной революции, шедшая к власти буржуазия хотела избавить себя от всяких сословных, феодальных пут, от всяких привилегий, связанных с рождением. Она поэтому выдвигала идею самостоятельной, независимой человеческой личности, т.-е. личности, которая может без всяких ограничений наживать любое богатство. Таким образом, провозглашалось ею не только правило о том, что каждый может приобретать имущество, каждый правоспособен, но и то, что каждый может приобретать имущество в любом, неограниченном размере. В мелкобуржуазных странах, в которых мелкие буржуа рассчитывают стать крупным капиталистом, в который каждый буржуазный солдат несет в своем портфеле жезл капиталистического фельдмаршала, это начало подчеркивалось весьма резко и даже почти в наши дни [см., напр., постановление швейцарского гражданского кодекса 1907 г.: «Правоспособен каждый человек» (rechtsfähig ist jedermann)].

В настоящее время неограниченность правоспособности во втором смысле, в смысле приобретать имущество в любом размере, отменена в целом ряде буржуазных государств, напр., по отношению к праву приобретать земельное имущество или даже обладать им в неограниченных размерах. Сюда же относится отчасти и прогрессивный поимущественный налог. Но самое важное то, что в буржуазном строе эта неограниченная правоспособность носила только формальный характер. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что огромная часть населения—городские рабочие—на практике не обладали имущественной правоспособностью, ибо им не на что было имущество это приобретать. Мало этого. И казавшийся самостоятельной личностью крестьянин в действительности не обладал тем имуществом, которое приписывалось ему, которое выдавалось за его собственность. В

действительности не обладает этой имущественной правоспособностью разоряющееся крестьянство, оно обладает только голым титулом собственности, что весьма выгодно классу капиталистов.

Маркс говорит о французском крестьянине 1848 г.: «Так случилось, что французский крестьянин под видом процентов за ипотеки, лежащие на земле, под видом процентов за ростовщические неипотечные ссуды передавал капиталисту не только земельную ренту, не только промышленную прибыль,—словом, не только всю чистую выручку, но и часть заработной платы, что он опускался до уровня ирландского фермера,—и все это на том основании, что он частный собственник». Эти слова могут быть применены не только к французскому и ирландскому, но почти и ко всякому иному крестьянству. Немудрено поэтому, что Маркс может говорить о крестьянах, «у которых все наслаждение собственностью сводится к фанатическому отстаиванию этой воображаемой собственности, т.-е. права на собственность». «Титул собственника,—говорит далее Маркс,—это тот талисман, которым капитал связывал до сих пор крестьянина, тот мотив, которым он пользовался, чтобы подстрекать крестьян против промышленного пролетариата» [1]). Поэтому для крестьянства «Кодекс Наполеона есть лишь кодекс взыскания долгов, судебного запрета и принудительной продажи с молотка» [2]), а вовсе не кодекс правоспособной личности.

Правоспособная независимая личность есть лишь формальное и обманчивое выражение простого товарного обмена. «Вещи сами по себе внешни для человека и потому отчуждаемы. Для того, чтобы это отчуждение стало взаимным, люди должны лишь молчаливо относиться друг к другу, как к частным собственникам этих отчуждаемых вещей, а значит, и как к независимым друг от друга личностям» [3]).

---

[1]) К. Маркс, «Борьба классов во Франции», т. III собр. соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 104—105.

[2]) К. Маркс, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», там же, стр. 226.

[3]) К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 55.

Но эта независимость чрезвычайно обманчива. «Наши товаровладельцы открывают, таким образом, что то самое разделение труда, которое делает их самих независимыми частными производителями, делает в то же время независимым от них процесс общественного производства и их собственные отношения в этом процессе, так что независимость лиц друг от друга дополняется системой всесторонней вещной зависимости» [1]).

В период развития капиталистических отношений не только для пролетария и крестьянина, но и для мелкого и среднего буржуа, имущественная правоспособность, иначе независимая в имущественном отношении личность становится обманчивым миражем. Банки, тресты, синдикаты и другие еще более сложные и менее, с внешней стороны, заметные объединения крупного капитала контролируют и механически направляют каждый шаг широких слоев мелких и крупных производителей. Одна махинация на бирже и сотни,—и тысячи этих производителей разоряются, их имущество от них отнимается, они экспроприируются по произволу, по прихоти крупного капитала.

При этих условиях, казалось бы, трудно отстаивать мысль, что правоспособность является свойством человеческой личности, как таковой, что она существует ранее государства, что она выше государства, что она останется навсегда. Трудно до такой степени, что это начинают признавать и буржуазные юристы за границей. Для примера приведу мнение известнейшего германского профессора Генриха Лемана, который в своей «Общей части гражданского уложения» [2]) заявляет: «Необходимо уяснить себе, что и правовая личность физических лиц основана на признании ее правопорядком». Однако, все это не мешает нашим «мелким разносчикам продуктов крупных иностранных фирм» продолжать расхваливать свой залежавшийся, сгнивший товар.

Наш закон рассматривает имущественную правоспособ-

---

[1]) Там же, стр. 75.

[2]) См. Heinrich Lehmann, Allgemeiner Teil des Bürgelichen gesetzbuchs, 2-е изд. 1922 г., стр. 176.

ность отдельных лиц (живых людей, физических лиц), как нечто предоставленное нашим правопорядком, нашей властью. Эта имущественная правоспособность существует только в пределах и для целей, установленных нашим правопорядком. Мы не декларировали наподобие мелкобуржуазного швейцарского законодателя: «Правоспособен каждый человек». Государство предоставило у нас гражданам правоспособность и притом предоставило ее «в целях развития производительных сил страны» (см. ст. 4 Гражд. кодекса).

Эта правоспособность предоставлена по общему правилу нашим гражданам. Особые условия политических и экономических наших взаимоотношений с иностранными государствами, отсутствие политического признания и даже налаженных государственно-экономических отношений побуждает наше государство ставить в иное положение иностранцев. Они приобретают эту имущественную правоспособность у нас лишь при наличии таких условий, которые свидетельствуют о том, что они в желательном для нас смысле принимают участие в развитии производительных сил страны. В настоящее время разработаны проекты законов, уточняющих бывшие не совсем ясными права иностранцев в этом отношении.

Если даже правовая личность индивидуумов физических не существует сама по себе, а является созданием правопорядка, государства, то тем более созданием правопорядка являются особые хозяйственные сферы, искусственные объединения лиц, направленные на достижение экономической цели, или организации, с тою же целью созданные и снабженные имущественной правоспособностью, т.-е. правом приобретать имущество, нести по нему обязательства и охранять его от посягательств со стороны других.

Все споры между иностранными буржуазными правоведами о природе юридических лиц, являются ли они реальностью, или фикцией, возникают ли они сами по себе или нуждаются для своего возникновения в родительском акте государственной власти и т. д., у нас не могут иметь места. Либеральное, в особенности германское учение о самопроизвольном воз-

никновении юридических лиц обязано своим возникновением и развитием стремлению германской буржуазии освободиться от опеки прусского (помещичьего) государства. Если бы германская буржуазия могла несколько десятков лет тому назад говорить в государственных учреждениях Германии теперешним языком Стиннеса («Мы не просим увеличения восьмичасового рабочего дня, мы его декретируем» [1]), то этим самым была бы вырвана, если не вся, то почти вся почва из-под учения о самопроизвольном возникновении юридических лиц. Отрицание реальности юридических лиц, вопреки очевидным, всеми — да еще как чувствительно — осязаемым фактам, было связано с индивидуалистическими взглядами, фетишизировавшими, обоготворявшими «независимую человеческую личность», в качестве единственно возможной носительницы прав. В англо-американском мире через 2000 лет после того, как в Риме уже сумели возвыситься до абстракции юридического лица, все еще не могут примириться с этой мыслью и для создания возможности—несомненно там существующим—юридическим лицам выступать в обороте. часто прибегают к помощи доверенного (живого) лица—trustee.

В буржуазных странах, смежных с нами, начинают отказываться от этой схоластики. Если не физическое лицо само по себе обладает правоспособностью, то можно предоставить правоспособность и не физическому лицу, не естественному, а искусственно созданному правопорядком—для достижения определенных целей—лицу. Если физическому лицу предоставляется правоспособность, если таким образом и оно является созданным правопорядком, т.-е. юридическим лицом, то тем самым и всякое иное юридическое лицо не менее реально, чем физическое лицо. Проф. Леман, которого мы выше цитировали, заканчивает приведенную нами цитату: «необходимо уяснить себе, что и правовая личность физических лиц основана на признании ее правопорядком» следующими словами: «и что юридические лица не просто продукты нашего мышления, а имеют в основе нечто

[1]) Такое заявление сделано Стиннесом в германском министерстве труда в ноябре 1923 года.

действительное». Это, конечно большой прогресс для юридического мышления. Необходимо, однако, пойти дальше и заявить, что юридические лица не только в основе своей имеют нечто действительное, но что они—сама действительность, что действительно существуют те конгломераты лиц и имуществ, которым правопорядок предоставляет имущественную правоспособность.

Наше законодательство, предоставляя правоспособность для достижения определенной цели, разумеется, не может признать самовольного возникновения юридических лиц. Для их возникновения принципиально требуется разрешение подлежащих органов государственной власти. В виду того, что эта работа посвящена основам частного имущественного права, нет возможности останавливаться здесь на различных государственных имущественных образованиях, которым предоставлено выступать в обороте наподобие частных юридических лиц. По форме эти образования могут более или менее приближаться к частному юридическому лицу—тресты, синдикаты, торги, смешанные общества, акционерные общества, но это не может заставить забыть их «природу» государственных имущественных органов со всеми из нее вытекающими последствиями.

От имущественной правоспособности отличается дееспособность, т.-е. способность своими личными действиями создавать для себя или для других те или иные в данном случае имущественные права. Дееспособность есть осуществление правоспособности на практике. И раз правоспособность предоставлена для достижения определенных социальных целей—развития производительных сил страны,—то и осуществлять ее могут лишь лица, способные в силу своих свойств этой цели достигать, т.-е. взрослые и разумные лица. Не обладают поэтому дееспособностью малолетние, еще не обладающие достаточным разумом, и лица, утратившие разум—душевно-больные, слабоумные. Наш закон лишает дееспособности также и расточителей, под которыми он понимает лиц чрезмерной расточительностью разоряющих находящееся в их распоряжении имущество (ст. 8 Гражд. код.). К этим лицам назначаются опекуны, которые

действуют за них или вместо них. В настоящее время разработан законопроект, подробно регулирующий порядок управления имуществом подопечных со стороны опекунов.

Однако, в виду того, что дееспособность отнимается у определенных лишь лиц потому, что они лично не в состоянии разумно осуществлять свою имущественную правоспособность, то с отпадением этого мотива в отношении хотя бы части их деятельности дееспособность должна быть им в этом отношении предоставлена. Вот почему, поскольку лицам, достигшим 14 лет, и расточителям предоставляется работать по найму и заниматься личным промыслом, они могут самостоятельно и без всякого содействия со стороны опекунов распоряжаться своей заработной платой и своим личным трудовым заработком вообще, а также отвечают за вред, их действиями причиненный.

На первый взгляд может показаться, что не обладают дееспособностью юридические лица. В действительности это не так. Лица эти, как мы уже указали, реально существуют. Реально существуют и управляющие органы этих юридических лиц. Юридические лица осуществляют свою правоспособность через эти свои установленные органы. В лице своих органов они обладают дееспособностью. Тем самым дается утвердительный ответ на вопрос о том, отвечают ли юридические лица за вред, причиненный их деятельностью.

От органов юридического лица следует отличать представителей. Подобно тому, как физическое лицо может доверить другому лицу, представителю, осуществление своей правоспособности, точно так же и органы юридического лица могут доверить—в пределах предоставленных им прав—другим лицам осуществление на деле правоспособности юридического лица.

ГЛАВА V.

Сделки.

Имущество при товарном производстве имеет своим предназначением так или иначе переходить из рук в руки, из одной

хозяйственной сферы в другую. «Для того, чтобы стать товаром, продукт должен быть передан посредством обмена в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости» [1]). С развитием товарного хозяйства все больше и больше растягивается цепь, увеличивается число звеньев между первоначальным производителем и окончательным потребителем. Самые разнообразные круги лиц и хозяйственных сфер должны вступать между собою во взаимоотношения для того, чтобы добиться этой цели. Эти отношения оформляются внешним образом соглашениями или вообще имеющими вид свободных волеизъявлений актами, которые называются сделками. «Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу, как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых обитает в этих вещах; таким образом один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве одного общего им волевого акта может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является товар,— все равно, выражено ли оно законно, или нет,—есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического или волевого отношения дано самим экономическим отношением. Лица существуют здесь один для другого лишь как представители товаров, т.-е. как товаровладельцы» [2]).

Эти юридические акты, эти сделки лишь по внешности носят характер свободных волевых сделок. Их содержание предопределено, дано соответствующими существующими экономическими отношениями. Здесь экономически-сильный не «соглашается» с экономически-слабейшим, а диктует ему свои условия. В особенности наглядно это сказывалось и в настоящее время сказывается в отношении между капиталистами и рабочими, где сохранена «свобода трудового договора». Там капиталисты диктуют рабочим условия труда;

---

[1]) К. Маркс, «Капитал», т. I, прим. Энгельса к стр. 7—8.
[2]) К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 52.

работать, сколько понадобится капиталисту, получать плату, какую ему вздумается дать, подвергаться опасностям, каким капиталисту угодно будет его подвергнуть, и даже более того: за подлежащую выплате заработную плату покупать в лавке капиталиста за дорогую цену сгнивший и никуда негодный товар, жить в предоставляемой капиталистом за дорогую плату конуре; здесь капиталист вмешивается даже в жизнь рабочего вне фабрики, т.-е. там, где он не находится с рабочим ни в каких формально-юридических отношениях. Во всех случаях сделка со стороны рабочего носит только формально-свободный характер, при полной несвободе в действительности. Но нередко отбрасывается даже и призрачная (непроницаемая только для буржуазных экономистов и юристов) вуаль формальной свободы.

«Капиталистический процесс производства самым своим ходом воспроизводит отделение рабочей силы от условий труда. Он воспроизводит и увековечивает тем самым условия эксплоатации рабочего. Он постоянно принуждает рабочего продавать свою рабочую силу, чтобы жить и постоянно дает капиталисту возможность покупать ее, чтобы обогащаться. Теперь уже не простой случай противопоставляет на товарном рынке капиталиста и рабочего, как покупателя и продавца. Железный ход самого процесса постоянно отбрасывает последнего, как продавца своей рабочей силы обратно на товарный рынок и постоянно превращает его собственный продукт в средство купли в руках первого. В действительности рабочий принадлежит капиталисту еще раньше, чем он продал себя капиталисту (курсив мой. А. Г.). Его экономическая несвобода одновременно обусловливается и маскируется периодическим возобновлением его самопродажи, переменою лиц, хозяйничающих над ним. Припомним, что при продаже труда детей и т. п. исчезает даже формальность самопродажи» [1]).

[1]) Там же, т. I, стр. 561—562. Ср. также для настоящего времени романы Эптона Синклера «Джунгли» и «Король Уголь», в которых изображается рабовладельческое вмешательство капиталистов в жизнь рабочих вне фабрики.

Несвобода рабочих обнаруживается не только по отношению к капиталистам, у которых они работают по найму. Для приобретения продуктов, необходимых для поддержания их жизни, они вынуждены «соглашаться» на любые условия, которые им ставит лавочник, дающий им продукты в кредит. Для обеспечения себя жильем они вынуждены соглашаться на ростовщические условия домовладельцев или продающих рабочие домики [1]).

Но не одни рабочие находятся в таком положении. Выше мы видели, к чему приводит «титул собственника» и крестьянина. Он также вынужден, как арендатор, подчиняться воле землевладельца, как должник—воле ростовщика. То же имеет место и по отношению к «самостоятельному» ремесленнику, который вынужден подчиниться условиям, какие ему диктует скупщик его продуктов, снабжающий его необходимым кредитом. Даже средние капиталисты вынуждены совершать свои сделки, продавать свои товары по ценам, которые устанавливают крупно-капиталистические организации, реализовать свое имущество на любых условиях, чтобы оплатить банковый вексель, чтобы внести необходимое покрытие в случае вызванного крупным капиталом падения курса его обеспечения, и т. д., и т. д.

Как видим, интересам капитала весьма соответствует взгляд на сделки, как на изъявление «свободной» воли «свободной» личности. Надо исполнять то, на что добровольно согласился. И буржуазные юристы весьма и весьма восхваляли поэтому правило, выработанное римлянами: «pacta sunt servanda» (следует соблюдать всякое соглашение). Правда, первоначально римляне считали выгодным обращать внимание исключительно на внешнее выражение добровольного согласия, на самый факт выражения этого согласия вовне, хотя бы это внешнее выражение явилось последствием применения грубого насилия к «свободной» личности. «Coactus tamen volui», говорили они: «Хотя меня принудили, однакоже, я выразил согласие». Они требовали таким образом «гражданского му-

[1]) См. у того же Синклера в «Джунглях» ужасающее разорение рабочих продавцами домиков.

жества» от подвергающейся насилию личности, забывая, что гражданское мужество мог обнаружить только экономически и социально сильнейший. Впоследствии буржуазные юристы согласны были отрицать наличность «свободной воли» и посему обязательность сделки, если ей при известных условия предшествовало физическое или психическое насилие. Но они не хотели и не могли углубиться в суть экономических отношений, чтобы заметить, что почти все сделки, касающиеся экономических отношений, психически предопределены этими отношениями, являются принудительным следствием этих отношений. Они попрежнему принципиально отстаивали, возводили на моральную высоту свободу соглашений [1]). Пытаются эту свободу соглашений, свободу договоров отстаивать и в наши дни.

Выше мы уже указывали, что в настоящее время даже буржуазные государства признают «право» государства вмешиваться в эти «свободные» сделки, что содержание сделок во многих случаях предначертано в законе, и стороны не могут от этих слов закона отступать. Кстати отметить, что отношения между рабочими и нанимателями изложены в нашем Трудовом кодексе в форме принудительных норм, отступление от которых во вред рабочим влечет за собою даже уголовную кару для предпринимателей. В Гражданском кодексе, по отношению к сделкам, в нем нормируемым, мы так далеко не пошли: по общему правилу отступление от условий, изложенных в тексте закона, на основании «свободного» соглашения, не влечет за собою уголовного наказания. Но отступление от этих условий не влечет за собою, по общему правилу, никаких юридических последствий, не налагает обязанностей, возложенных на сторону вопреки тексту закона. Такая сделка будет недействительной, как «совершонная с целью, противной закону или в обход закона» (ст. 30 Гражд. код.).

---

[1]) Здесь уместно вспомнить: «Философ фабрики Юр клеймит поэтому, как неизгладимый позор английского рабочего класса, то обстоятельство, что на своем знамени он начертал рабство фабричных законов, противопоставляя этот лозунг капиталу, который мужественно выступает за полную свободу труда». (К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 273).

Здесь не место излагать последствия недействительности такой сделки. Мыслимы двоякого рода последствия. В случае отступления от предусмотренных законом обязательных последствий эти отступления могли бы считаться не имевшими места, а должно было бы наступить последствие, предусмотренное в соответственных статьях закона, нормирующих данное отношение. Наш закон не устанавливает, как общее правило, такого последствия. Он устанавливает другое: сделка, признанная недействительной в виду ее противоречия закону, признается как бы не имевшей места, при чем стороны не в праве требовать друг у друга обратно того, что дано было во исполнение этой сделки; однако, неосновательное обогащение любой из сторон, в связи с такой недействительной сделкой, не остается у получившей его стороны, а поступает в доход государства (ст. 147 Гр. Код.). Последствия, которые здесь наступают, признаются достаточной гарантией против отступлений сторонами от установленных в законе норм: кто пойдет на такой обход закона, если ему грозит и аннулирование сделки и потеря того, что он внес в ее исполнение (хотя бы и в пользу государства)? Если же установить первое из предусмотренных нами возможных последствий—гарантии никакой не было: самое большее, что грозило бы лицу, продиктовавшему другому недопустимые по закону условия, было бы восстановление тех условий, которые предусмотрены в законе, как нормальные; иными словами, нарушитель закона не пострадал бы ничуть.

Мы здесь должны отметить случаи, когда сделки, независимо от того, соотвествуют ли предусмотренные в них последствия установленным в законе нормам, теряют силу. Сделки должны удовлетворять определенным формальностям. По общему правилу, сделки свободны от формальностей. Они могут совершаться и устно. Но в некоторых случаях требуется соблюдение тех или иных формальностей. Устная сделка, не подтвержденная записью, могла бы быть подтверждена только свидетелями, если бы одна из сторон стала отрицать ее наличность. Экономическая заинтересованность—в особенности если сделка на крупную сумму или

не оставляет внешних следов во взаимоотношениях между сторонами (напр., заем)—могла бы вызвать многочисленные лжесвидетельства. Поэтому требуется для некоторых сделок письменная форма или, вернее, оставление во вне следа, который свидетельствует о том, что стороны действительно заключили данную сделку. Вот почему, по общему правилу, несоблюдение установленной в законе письменной формы лишает стороны права, в случае спора, ссылаться на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные доказательства (прим. к ст. 136 Гражд. Код., ср. ст. 29). В некоторых случаях закон требует облечения сделок еще в более сложную форму — свидетельствования ее в нотариальной конторе или даже совершения ее там. В этих случаях сделка не считается законченной, не считается существующей, заключенной до свидетельствования или совершения ее в этой конторе (прим. I к ст. 130 Гр. Код.). Почти во всех случаях, когда закон требует совершения сделки или свидетельствования ее в нотариальном органе, он прибавляет к этому своему требованию—«под страхом недействительности». Но даже там, где этой прибавки нет (напр., в ст. 137 Гражд. Код. о сделках госорганов как между собою, так и с частными лицами), последствия необлечения сделки в установленную форму—те же. Сделка недействительна, вернее, не состоялась, не заключена, ибо закон признает моментом заключения такой сделки момент ее засвидетельствования в нотариальном органе. До этого момента—сделки нет, следовательно, не может быть ее и в случае незасвидетельствования вообще.

Отметим также, что, считаясь с особенностью нашего хозяйственного строя, наш закон признает недействительными не только сделки, совершенные с целью противной закону или в обход закона, но и сделку, направленную к явному ущербу для государства (ст. 30 Гр. Код.). Не признает наш закон и кабальных сделок, т.-е. таких сделок, когда кто-либо под влиянием крайней нужды вступает в явно невыгодную для себя сделку. Выше мы уже указывали на ту защиту, которую дает в этом случае наш закон потерпевшей, экономически угнетенной стороне.

Наш закон не устанавливает ограничения процента определенным размером, выше которого сделка становится ростовщической. Он дает общую защиту против всех видов ростовщичества. Ибо далеко не всегда высокий процент (напр., если сделка дает большую прибыль обязавшемуся платить этот высокий процент) есть выражение ростовщических отношений, а с другой стороны — ростовщичество, кабала может иметься налицо и при отсутствии обязательства платить высокий процент.

Сделки недействительны еще в целом ряде случаев, напр., если они совершены недееспособным или вообще невменяемым лицом, если они совершены под влиянием обмана, угроз, насилия или вследствие злонамеренного соглашения представителя данного лица с его контрагентом, вследствие заблуждения (ошибки), имеющего существенное значение, когда они совершены только для виду.

При наличии частной собственности, вообще порождающей экономическую зависимость, эта зависимость увеличивается еще больше путем соответственных махинаций, из которых некоторые здесь кратко сформулированы. Говоря о некоторых махинациях капиталистического мира, Маркс замечает: «При объективном анализе капиталистического механизма нельзя пользоваться известными позорными пятнами, еще экстраординарно налипающими на него, как средством для устранения теоретических затруднений [1]). И если закон почти бессилен устранить экономическую зависимость, порождаемую естественным механизмом частной собственности и товарного производства, то он может и должен целиком устранить эти «экстраординарно-налипающие на него позорные пятна».

ГЛАВА VI.

Право частной собственности.

Переходя к изложению основного частного имущественного права, от которого зависят, которое собою определяет все остальные частные имущественные права, мы не ста-

[1]) К. Маркс, «Капитал», т. II, стр. 486.

нем подробно останавливаться на выдвигаемом буржуазными юристами различии между правом вещным и обязательственным. Это деление, в особенности в той формулировке, которую придает ему буржуазное правоведение, соответствует не капиталистическому строю, а строю простого натурального хозяйства. Но сохранять его — в интересах господствующего класса, так как при помощи этого деления скрывается действительный характер частной собственности, как общественного отношения.

Буржуазные юристы утверждают — и по внешности это весьма убедительно, — что вещные права и — среди них главное — право собственности представляют особое отношение человека к вещи, непосредственно направлены на самое вещь, в то время как обязательственное право есть только отношение между людьми, не дающее непосредственных прав по отношению к вещам, к которым оно относится. Они, далее, различают вещное право от обязательственного, говоря, что первое есть разъединяющее, а второе соединяющее начало между людьми. Такой взгляд на вещное право вообще и на право частной собственности в частности отнюдь не соответствует капиталистическому строю. Хотя, вообще, право, как социальное явление, может быть отношением только между людьми, а не между человеком и вещью, но при капиталистическом строе в особенности обнаруживается, что частная собственность не есть обладание вещью, не направлена на предметы внешнего мира, а представляет собою общественное отношение, распространяет свою власть на множество людей, диктует им, навязывает им соответственные отношения. Капиталистическая частная собственность, как мы видели уже выше, не «разъединяет» людей, а, наоборот, крепко их «соединяет», приковывает рабочих, если не к отдельному капиталисту, то к совокупности капиталистов, олицетворяющему их капиталу, крепче, чем Гефест приковал Прометея к скале.

В эпоху изолированного, замкнутого натурального хозяйства право собственности на вещи действительно могло рассматриваться, как нечто отделяющее группы людей одних от других. Посторонним дела не было до этих собственников.

Меновые отношения между группами или их представителями, обмен излишками натурального хозяйства, договорные отношения, связанные с этим обменом, действительно, могли казаться единственными элементами, связующими людей между собою. Но при появлении и в особенности при развитии капитализма можно ли продолжать утверждать, что посторонним нет дела до частной собственности, до собственности Рокфеллера, Стиннеса, Ротшильда, Болдуина и т. д. Эти утверждения продолжаются в интересах капиталистов, которые стремятся таким образом отвергнуть все домогательства рабочих в сторону контроля этой частной собственности. «Рабочим нет дела до моей фабрики, до моих распорядков на ней»,—говорит капиталист. И более всего настаивает на этом пункте, даже когда согласен уступить рабочим в других требованиях. Но далеко не все верят в настоящее время капиталисту, что рабочим нет дела до его фабрики, что потребителям нет дела до его синдиката, который на протяжении всей страны, а то и за ее пределами, диктует цены этому потребителю [1]).

Деление вещного и обязательственного права по указанным выше принципам лишено в настоящее время иного значения, кроме апологетического для капитализма. И даже формально буржуазные законодательства не выдерживают этого деления. Основанием для приобретения вещного права может в настоящее время явиться и простой договор, т.-е. то,

---

[1]) Ср. известного немецкого знатока трестов и синдикатов Роберта Лифмана, который говорит: «Тот взгляд, что фабрика такая же частная собственность, до которой нет никакого дела посторонним, как частное жилище, собственное домашнее хозяйство, откуда выводится и такое же отношение к рабочим, каковы отношения между хозяином и слугою в домашнем хозяйстве, т.-н. патриархальная система,—этот взгляд, правда, пользуется еще широким распространением, но все больше и больше уступает место другим воззрениям». Тот же Лифман говорит: «Эпоху картелей и трестов в противовес прежнему состоянию свободной конкуренции можно, пожалуй, охарактеризовать следующим образом: в эпоху конкурентной борьбы производители боролись между собою за потребителя, в настоящее время борьба за потребителя заменена борьбою с потребителем». (Robert Liefmann, «Kartelle und Trusts», 5-е изд. 1922 г., стр. 63 и 41—42.

что раньше буржуазные юристы называли началом, не разъединяющим, а связующим людей, не требуется для приобретения вещного права непременной передачи вещи, т.-е. чего-то, знаменующего отделение, приобретателю. С другой стороны целый ряд отношений, напр., наем определенной вещи и вообще договор, направленный на определенную вещь, которые раньше относились к обязательственному праву, дают право на «самое вещь», имеют силу не только между договорившимися сторонами, но обязательны для всех третьих лиц [1]). Нет, таким образом, необходимости поддерживать традиционное деление прав на вещные и обязательственные.

Но перейдем к праву частной собственности. Мы с самого начала должны отметить, что слово это (частная собственность), оставаясь внешне неизменным на протяжении сотен лет, обнимало собою в разное время различное содержание. Она была иной при феодальном строе, иной в начале капитализма, иной в эпоху его развития; иная она у нас при государственном капитализме.

Не останавливаясь на праве собственности при феодальном строе, мы относительно той частной собственности, которую так восхваляли идеологи нарождающейся буржуазии, которые выставляли ее и неотъемлемым правом «свободной личности», единственным основанием ее «свободы» и единственным стимулом для общественного развития «цивилизации», должны сказать следующее. Из понятия этой частной собственности и логически и исторически вытекало право собственности производителя на весь продукт его труда. Но положение вещей быстро изменилось. Приведем блестящее изложение этого процесса у Маркса: «Закон присвоения или закон частной собственности, покоящийся на производстве и обращении товаров, превращается путем собственной внутренней, неустранимой диалектики в свою прямую противоположность. Обмен эквивалентов, представлявшийся нам

[1]) Ср. также правило германского права: «Kauf bricht nicht Miethe»— «Покупка не ломает найма», наем остается в силе даже при перемене лица собственника.

основной первоначальной операцией, претерпел такие изменения, что в результате обмен оказывается лишь внешней видимостью; в самом деле, часть капитала, обмененная на рабочую силу, во-первых, сама представляет лишь часть продукта чужого труда, присвоенного без эквивалента; во-вторых, она должна быть не только возмещена создавшим ее рабочим, но возмещена с новым прибавочным продуктом. Меновое отношение между капиталистом и рабочим становится таким образом простой видимостью процесса обращения, простой формой, которая чужда своему собственному содержанию и лишь затемняет его действительный смысл. Постоянная купля-продажа рабочей силы есть форма. Содержание же заключается в том, что капиталист часть уже овеществленного чужого труда, постоянно присвояемого им без эквивалента, снова и снова обменивает на большее количество живого чужого труда. Первоначально право собственности казалось нам основанным на собственном труде. По меньшей мере мы должны были принять это допущение, так как на рынке противостоят друг другу лишь равноправные товаровладельцы, при чем средством для присвоения чужого товара является исключительно отчуждение своего собственного товара, а этот последний может быть создан лишь трудом. Теперь же оказывается, что собственность для капиталиста есть право присваивать чужой неоплаченный труд или его продукт. Отделение собственности от труда становится необходимым последствием того закона, исходным пунктом которого послужило, повидимому, их тожество» [1]).

«Одно и то же право собственности действует вначале, когда продукт принадлежит производителю, а этот последний, обменивая эквивалент на эквивалент, может обогащаться лишь на счет собственного труда, и в капиталистический период, когда общественное богатство все более и более становится собственностью тех, кто в состоянии присваивать себе новые порции неоплаченного чужого труда... В той самой мере, в какой товарное производство, развиваясь сообразно своим собственным законам, превращается в производство

[1]) К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 568.

капиталистическое, в той же самой мере законы собственности, свойственные товарному производству, переходят в законы капиталистического присвоения» [1]). «В действительности рабочий принадлежит капиталу еще раньше, чем он продал себя капиталисту». Капитал отнимает вопреки воле рабочего часть, большую часть его собственности.

Но не только у рабочего отнимается эта собственность против его воли. Мы уже видели, что эта собственность отнимается и у мелких буржуа против их воли. С дальнейшим развитием капитализма, в эпоху трестов и синдикатов эта собственность отнимается и у средних капиталистов, в особенности у представителей торгового капитала также, разумеется, против их воли. Промышленный капитал, объединенный в крупнейшие организации, является хозяином, а все остальные виды капитала ему подчиняются.

«В той мере, в какой он (промышленный капитал) овладевает общественным производством, совершается переворот в технической и общественной организации процесса труда, а вместе с тем и в экономическо-историческом типе общества. Другие виды капитала, которые существовали до него среди отошедших или отходящих в прошлое порядков общественного производства, не только занимают подчиненное по отношению к нему положение и претерпевают соответствующие ему изменения в механизме своих функций, но и движутся впредь уже лишь на основе промышленного капитала, следовательно, живут и умирают, стоят и падают вместе с этой основой» [2]).

Цитированный уже мною Лифман говорит о картелях и трестах: «В силе картелей и трестов каждый в Германии мог уже лично убедиться. Вот уже несколько десятилетий, как они затрогивают каждого не только в Германии, но и, можно сказать, во всем мире. Кому из домашних хозяек, которые при покупке сахара или спирта выражают удивление по поводу того, что эти товары опять вздорожали, не приходилось слышать от лавочника: «Да, сахарный или спиртовый

[1]) Там же, т. I, стр. 572.
[2]) Там же, т. II, стр. 29.

картель с прошлого месяца повысил цены». Кто, жалуясь на дороговизну угля, не получал от продавца в ответ: «Угольный синдикат совсем не желает понизить цены и, кроме того, понижает до крайности и нашу прибыль». Кто не видел разъезжающих по городам железных цистерн немецко-американского товарищества и не узнавал, что керосин так дорог потому, что гигантский американский керосиновый трест «контролирует» большую часть мировой продукции этого все еще необходимого осветительного средства. И кто при произнесении слова «керосиновый трест» с почтительным трепетом не вспомнил об американских миллиардерах, которые при помощи этих цистерн, олицетворяющих трест, делают своими данниками даже беднейшее население в самых отдаленных от них местностях» [1]).

Не прав ли был Ратенау, который еще до войны заявлял, что в Германии частной собственности нет почти ни у кого, что ею обладают всего несколько десятков человек. Но для поддержки капиталистического строя необходимо внушить населению обратное, необходимо видимость выдавать за реальность. Во время обсуждения в германском рейхстаге в 1896 г. гражданского уложения известнейший юрист Рудольф Зом выступил там с таким заявлением: «Свобода собственности—без нее никто из нас обойтись не может. Ради этой свободы мы живем. Вся наша публично-правовая и нравственная свобода, которой мы обладаем, как отдельные личности, самое драгоценное правовое благо, которое мы все имеем,—его предоставляет нам только частная собственность, только свободная частная собственность».

В отношениях между капиталистом и рабочим отнятие собственности первым у последнего маскируется формой оплаты труда. Денежная заработная плата есть иррациональная, вводящая в заблуждение форма оплаты труда.

«Форма заработной платы стирает всякие следы разделения рабочего дня на необходимый и прибавочный, на оплаченный и неоплаченный труд. Всякий труд представляется

---

[1]) R. Liefmann, цит. соч., стр. 56.

оплаченным трудом. При барщинном труде труд крепостного крестьянина на самого себя и принудительный труд его на помещика различаются между собой самым осязательным образом. При рабском труде даже та часть рабочего дня, в течение которой раб возмещает лишь стоимость своих собственных средств существования, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина. Весь его труд представляется неоплаченным трудом. Наоборот, при системе наемного труда даже прибавочный или неоплаченный труд кажется оплаченным. Там отношения собственности скрывают работу раба на себя, здесь денежное отношение скрывает даровую работу наемного рабочего. Понятно поэтому, какое громадное значение имеет превращение стоимости и цены рабочей силы в форму заработной платы, т.-е. в форму стоимости и цены самого труда. На этой внешней форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста (курсив мой. А. Г.), все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной экономии... Обмен между капиталом и трудом воспринимаются первоначально совершенно так же, как купля и продажа всякого другого товара. Покупатель дает известную сумму денег, продавец—вещь, отличную от денег. Юридическое сознание видит здесь в лучшем случае лишь материальную разницу, которая выражается в юридически эквивалентных формулах: «do ut des», «do ut facias», «facio ut des» и «facio ut facias» («даю, чтобы ты дал», «даю, чтобы ты сделал», «делаю, чтобы ты дал» и «делаю, чтобы ты сделал»)... Впрочем, о таких формах проявления, как «стоимость и цена труда» или «заработная плата» въ отличие от того существенного отношения, которое в них проявляется,—в отличие от цены и стоимости рабочей силы,—можно сказать то же самое, что о всяких вообще формах проявления и об их скрытой за ними основе. Первые непосредственно воспроизводятся сами собою, как хо-

дячие формы мышления, вторая может быть раскрыта лишь научным исследованием» [1]).

Но именно эти ходячие формы мышления и отказ от научного исследования применяются не только Зомом, но и подавляющей массой юристов и по отношению к частной собственности вообще. Свободная частная собственность, как единственная основа свободной личности, проповедуется юристами не только за границей, но даже, вопреки всему, и у нас, в советских странах, несмотря на изменение социального строя. Известнейший английский романист Г. Уэльс говорит: «Юрист должен тщательно пересматривать свои познания и держать их всегда в виде, соответствующем духу времени, в противном случае неприятные последствия скажутся через две недели» («Билби»). Наши юристы, по-видимому, не опасаются этих скверных последствий. Они остаются на поверхности, не желают за внешностью видеть сущность, хотя то обстоятельство, что «вещи в своем проявлении могут часто представляться в извращенном виде, признано как-будто во всех науках, кроме политической экономии» (Маркс) и, добавлю от себя, юриспруденции.

Маркс поясняет, почему буржуазная наука считает необходимым ограничиться внешностью, видимостью: «Вульгарный экономист (и опять добавлю от себя, такой же юрист. А. Г.)... гордится тем, что пресмыкается перед видимостью, принимает видимость за конечное объяснение. К чему же вообще тогда наука?.. Но этот вопрос имеет еще другую сторону. Раз понята связь вещей,—рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на практике. Следовательно, тут уже безусловно интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы» [2]).

В дальнейшем мы увидим, как капиталист и его идеологи во всех отраслях хозяйственной жизни, в деле приобретения

---

[1]) К. Маркс, «Капитал», т. I стр. 523—524.

[2]) К. Маркс, «Письма к Кугельману», 1920 г. под редакцией В. И. Ленина, стр. 64.

и охраны частной собственности ограничиваются обманчивой внешностью, что эта внешность закрывает и не может не закрывать действительность для капиталиста и его идеологов.

Маркс говорит о буржуазных экономистах то, что применимо еще в гораздо большей степени к другим буржуазным идеологам, в особенности к юристам: «Буржуазный экономист, ограниченный мозг которого не в состоянии отличить форму проявления от того, что в ней проявляется» [1]). «Политическая экономия видит лишь внешность» [2]). «Под углом зрения конкуренции все представляется в искаженном виде. Экономические отношения в готовом виде, как они обнаруживаются на поверхности в их реальном существовании, а следовательно, и в тех представлениях, при помощи которых стараются разобраться в этих отношениях их носители и агенты, оказываются очень различными, совершенно искаженными и противоположными по сравнению с их внутренним, существенным, но скрытым ядром и отвечающим последнему понятием» [3]). И, наконец, «То обстоятельство, что эта внутренняя зависимость раскрыта здесь впервые, что политическая экономия... до сих пор или произвольно игнорирует различие между прибавочной стоимостью и нормой прибыли, чтобы обеспечить себе возможность сохранить в качестве основного принципа определение стоимости, или же отказывалась от этого определения стоимости и вместе с ним от всякой почвы для научного отношения к вопросу, чтобы ухватиться за различия, лежащие на поверхности и бросающиеся в глаза,—эта путаница, царящая среди теоретиков, лучше всего показывает, как мало капиталист, всецело захваченный борьбой конкуренции и отнюдь не проникающий за ее наружные проявления, как неспособен такой капиталист-практик распознавать за обманчивой внешностью внутреннюю сущность и внутреннюю форму этого процесса» [4]).

---

[1]) К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 552.
[2]) Там же, т. II, стр. 99.
[3]) Там же, т. III, стр. 187.
[4]) Там же, т. III, стр. 147.

Допущение частной собственности у нас, проведение новой экономической политики совершаются властью, которая руководится революционным марксизмом, для которой не остаются тайной внутренние отношения капиталистического механизма. Поэтому ясно, что власть эта не может устанавливать неограниченной частной собственности, исходя из внешней формы проявления капиталистических отношений. Новая экономическая политика означала допущение частной собственности только в очень ограниченных пределах, но на-ряду с этим и оставшаяся в руках государства подавляющая масса национализированной собственности выступает в обороте в формах капиталистических, в формах, свойственных капиталистической частной собственности. Это противоречивое отношение скрывает в себе опасности не только идеологического, но и экономического характера [1]). Однако, эти опасности не должны увеличиваться формулами закона, которые бы устанавливали неограниченное право частной собственности как по содержанию ее, так и по способу распоряжения ею. Если в эпоху расцвета капитализма исчезает в действительности всякий след массовой частной собственности, то в эпоху государственного капитализма (пролетарского государства) не может быть речи, не может провозглашаться принцип неограниченной частной собственности.

У нас предметом частной собственности, выступающей в обороте, как таковая, а не в виде государственной собственности, фигурирующей лишь в формах, свойственных частному капиталу, таким предметом частной собственности у нас служат лишь сравнительно маловажные предметы.

---

[1]) Эти опасности рельефно подчеркнуты в революции, единогласно принятой Политбюро ЦКРКП и Президиумом ЦКК от 5 декабря 1923 г. («Правда», 7 дек. 1923 г.), где говорится про «объективные противоречия данной стадии переходного периода, вытекающие из одновременного существования самых различных хозяйственных форм, из наличности рыночных отношений, из необходимости для государственных учреждений применять капиталистические формы и методы работы», и где указывается, что «диктатура пролетариата, которая не может упрочиться и развернуться без роста материального благосостояния страны, не могла бы также удержаться, если бы этот рост благосостояния создавал перевес частного капитала над государственным».

Прежде всего из числа объектов частной собственности совершенно изъяты земля и все, что от природы неразрывно с нею связано—воды, недра и леса. Социальная революция должна была, по предсказанию Маркса, решительнее всего покончить с частно-владельческими земельными отношениями. Еще в 1851 г. (письмо от 21/VIII) Маркс писал Энгельсу: «Необходимо ликвидировать частновладельческое свинство в земледелии». Отзываясь весьма отрицательно о германских социалистах, которые недостаточно энергично выступали против «завывания обывателей», Маркс пишет Энгельсу в октябре 1869 г.: «Никому из них не пришло в голову спросить либеральную воющую свору, а не существует ли в Германии рядом с мелкой крестьянской собственностью крупная земельная собственность, являющаяся основой пережитков феодального хозяйства, не нужно ли во время революции ее ликвидировать, если даже собираются покончить всего только с современным государственным порядком, и следует ли это произвести устарелым способом 1789 года» [1]).

«Я давно был убежден,—пишет Маркс Кугельману,—что социальная революция серьезно должна начаться с самых основ, т.-е. с частной собственности на землю» [2]). И, наконец, во втором томе «Капитала» мы читаем: «Если принять в расчет весь вложенный в землю неоплаченный труд, превращаемый в деньги землевладельцем и капиталистом, то весь вложенный в землю капитал возвращен много-много раз, да еще с ростовщическими процентами; таким образом, земельная собственность давным-давно уже много раз выкуплена обществом» [3]).

И если Энгельс впоследствии сообщал (см. его «Крестьянский вопрос во Франции»), что Маркс неоднократно выражал перед ним готовность «откупиться от всей этой банды», то, как видим, Маркс исходил при этом отнюдь не из соображений «справедливости» по адресу обижаемых собственников, у которых «отнимается их право».

---

[1]) Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс, «Письма», стр. 192 (искажено опечатками).
[2]) Письма Маркса к Кугельману, стр. 57.
[3]) К. Маркс, «Капитал», т. II, стр. 329.

У нас право собственности на землю, недра, воды и леса отменено без выкупа и навсегда (ст. I Зем. Код.). Земля и впредь не может стать объектом права частной собственности. Владение землею допускается лишь на праве пользования (ст. 21 Гражд. Код.). С отменой частной собственности на землю упраздняется деление имущества на движимое и недвижимое. Ибо, кроме земли, которая остается собственностью государства, все воздвигнутые на ней сооружения могут принадлежать на том или ином праве частным лицам. Эти сооружения таким образом, с точки зрения юридической, совершенно отрываются от той почвы, на которой они воздвигнуты, перестают быть, опять-таки с юридической точки зрения, неразъединяемой принадлежностью этой почвы [1]).

Но отмена частной собственности на землю—переход всей земли в собственность государства—является действительно социалистической мерой лишь при сочетании ее с переходом в руки государства остальных основных средств (и орудий) производства. Смотреть на переход земли в руки государства—при сохранении капиталистического строя, а следовательно и капиталистического характера государства—как на панацею от всех зол, было бы реакционно,—это явилось бы скрытой защитой капиталистического строя.

Говоря о движении Генри Джорджа, отстаивавшего отмену частной собственности на землю и передачу земельной ренты государству (single tax), Маркс пишет Зорге: «Генри Джордж в теоретическом отношении совершенно отстал... Его основной догмат заключается в том, что все было бы в порядке, если бы земельная рента выплачивалась государству (это ты найдешь в «Коммунистическом Манифесте», в главе переходных мер). Этот взгляд первоначально принадлежал буржуазным экономистам и был впер-

[1]) В нашем строе, таким образом, лишается всякого значения защищавшееся почти всеми юристами положение римского права: «Superficies solo cedit»—«Постройка следует судьбе земли», и правым оказывается римский юрист Цельз, единственный, отрицавший абсолютный характер этого правила и выдвигавший против него ту мысль, что земля лишь так же лежит под зданием, как море под кораблями.

вые, вскоре после смерти Рикардо выдвинут (если не считать подобных требований в конце XVIII столетия) его первыми радикальными последователями. В 1847 г. я в своем сочинении, направленном против Прудона, писал об этом следующее: «Нам понятно, почему такие экономисты, как Милль-отец, Шербюлье, Хильдич и другие, требуют перехода ренты в руки государства, чтобы заменить ею налоги. В этом требовании сказывается ничем не прикрытая ненависть промышленного капиталиста к землевладельцу, который кажется капиталисту чем-то совершенно бесполезным и излишним в системе буржуазного производства». Мы сами, как уже упоминалось, в числе других переходных мер допустили и национализацию ренты. Эти меры, что в свою очередь отмечается в «Коммунистическом Манифесте», полны внутренних противоречий, каковыми переходные меры и должны быть. Но Колинз первый превратил эти требования радикальных английских буржуазных экономистов в социалистическую панацею и объявил, что эта мера разрешает все внутренние противоречия современного способа производства... Все эти «социалисты», начиная с Колинза, имеют общим то, что оставляя неприкосновенным наемный труд, а следовательно капиталистическое производство, тем самым желают закрыть глаза либо себе, либо другим, когда утверждают, что с превращением земельной ренты в государственный налог, все беды капиталистического государства должны сами собой исчезнуть. Все это не что иное, как скрытая под маской социализма попытка спасти господство капиталистов и даже больше,—заново укрепить его на более широком, чем теперь, основании [1]).

Блестящим доказательством правильности этих рассуждений является частичное выполнение этой программы во многих странах после войны 1914—1918 гг. Отобрание у помещиков крупных латифундий и обращение доходов с них в доход государства, установление обязанности дешевой или почти даровой доставки землевладельцами хлеба государству

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, стр. 246—247, письмо от 1881 г.

для льготного снабжения им населения,—все это означало на практике передачу соответственных доходов капиталу. Его государство на средства, получаемые таким образом, содержит войска, жандармерию и полицию для усмирения рабочих в их борьбе с капиталом: расходы, которые должен был бы покрывать капитал, берутся не с него. Если рабочим дается дешевый хлеб, то тем самым дается капиталистам возможность понижать соответственно заработную плату: наряду с капиталом рабочему часть уплачивает государство. Таким образом ясно, что при помощи таких мер заново укрепляется капитализм на более широком, чем прежнее, основании.

У нас отмена частной собственности на землю соединена с почти полной отменой частной собственности и частно-капиталистических отношений в промышленном производстве. Однако, вытекающие из этого производства обмен и распределение совершаются в форме,—а распределение и на началах,—частной собственности. До какого предела допустима здесь частная собственность? Этого вопроса не следует ставить абстрактно. Предел допустимого в этой области—это вопрос факта, это зависит от конкретных обстоятельств. Не следует быть фетишистами частной собственности и в обратную сторону. Не следует опасаться самого слова «частная собственность» и думать, что если в определенной области допустить частную собственность, то все—с точки зрения социалистического строя — погибнет. Нельзя только допустить перевеса частного капитала над капиталом пролетарского государства.

В Англии буржуазная революция совершилась на сто лет раньше, чем во Франции, и, следовательно, при менее зрелых условиях. В Англии осталось поэтому гораздо больше феодальных отношений, чем во Франции. Во Франции после революции 1789 г. также остались кое-какие феодальные отношения [1]).

[1]) Ср. Энгельса письмо к Конраду Шмидту от 27 окт. 1890 г. «Чистая последовательная идея революционной буржуазии эпохи 1792—1796 гг. уже в Наполеоновском кодексе фальсифицирована во многих отношениях» (К. Маркс и Ф. Энгельс, «Письма», стр. 284).

Сохранились они в еще большей степени в Германии с ее юнкерством. Но буржуазии этих стран не приходилось жаловаться на то, что эти остатки и пережитки феодализма грозят в корне погубить буржуазный строй и буржуазное господство. Точно так же немыслимо полное осуществление идей пролетариата немедленно после его победы. Остатки капитализма в той или иной, большей или меньшей мере останутся в целом ряде стран, где водворится диктатура пролетариата. Наша пролетарская революция произошла раньше всех и в более отсталой стране, следовательно, в наименее зрелых условиях. Поэтому, само собой ясно, что у нас должны иметься наиболее солидные остатки капитализма. Все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы по мере роста материального богатства страны сужи-вать капиталистические формы распределения, обмена и производства.

По нашим законам, предприятия промышленные, по общему правилу, не могут быть предметом частной собственности, если количество рабочих в этих предприятиях превышает установленное в законе число (в настоящее время от 10 до 20 рабочих). Таким образом пределы производства на началах частной собственности сужены не только вполне достаточно, но даже, можно сказать, и чрезвычайно. Но эксплоатация предприятий, остающихся государственной собственностью, может совершаться на частно-капиталистических началах в разных видах. Сюда относятся прежде всего аренда и концессии. Сюда же пытаются отнести и различные государственные и полугосударственные акционерные предприятия: акционерные общества, участниками которых состоят исключительно государственные органы и предприятия, и смешанные общества, в которых участвуют государственный и частный капиталы, с преобладанием первого. Последнее обстоятельство показывает, как опасно, в наших условиях, делать формальные уступки в законе: из того, что акционерное общество есть форма частного общества; пытаются сделать вывод, что, стоит только государственным предприятиям, соединившись вместе, принять эту форму, и они немедленно теряют характер го-

сударственных, подконтрольных государственным органам, предприятий и становятся частными—даже в сфере производства. Во всяком случае и в области производства частно-капиталистические отношения у нас развиты отнюдь не в малой степени, в особенности, если не упускать из виду, что все крестьянское сельскохозяйственное производство построено на частно-собственнических началах.

Но в гораздо большей степени частно-капиталистические отношения допущены в области обмена, где сталкиваются производительные потребители сырья, полуфабрикатов, вспомогательных средств производства и новых произведенных орудий производства, и еще больше в области распределения, где сталкиваются производители (промышленность) с посредниками (торговый капитал) и непосредственными потребителями. Согласно положению о наших трестах, т.-е. государственных промышленных предприятиях и их объединениях, неотчуждаемым, неподлежащим отчуждению, т.-е. продаже, по началам частной собственности или в форме частно-собственнической, является только их основной капитал. Оборотный же капитал подлежит, по общему правилу, и свободной добровольной продаже, и принудительной продаже за долги.

К этому оборотному капиталу, согласно закону, относятся не только «предметы, которые только однажды могут быть использованы в процессе производства, как то: топливо, сырье, разные металлы и т. п.», но и деньги, ценные бумаги и вся продукция (ст. 16 декрета 10-го апреля 1923 г. о трестах). Правда, снабжение сырьем и топливом, поскольку таковое производится государственными предприятиями, а отчасти также и готовая продукция последних, в значительной степени охватывается контролем государственных органов, ими планируется, входит в состав плановых сделок. Поэтому в соответственных сношениях между государственными органами имеется только форма частно-собственнического обмена. Но поскольку государственным предприятиям приходится иметь дело с частными торговцами, при приобретении от последних или сдаче последним сырья, топлива и, в особенности, продукции, идущей непосредственно

потребителю,—здесь уже налицо не только форма, но и сущность частно-собственнического отношения. Частный торговый капитал, вообще в наше время являющийся паразитическим, — гораздо более паразитическим наростом, чем частный промышленный капитал,—при данных условиях может принять угрожающие формы. Опасен не только перевес частного промышленного капитала над государственным, но и частного торгового капитала над государственным. И если мы в первом отношении весьма далеки от опасной черты, то в последнем отношении опасная черта приближается, если уже не приблизилась.

В порядке дня, следовательно, здесь задача всемерного сужения сферы применения частно-собственнических отношений.

Не могут быть у нас предметом частной собственности и крупнейшие строения и здания, которые были муниципализированы и национализированы. Немуниципализированные более мелкие дома могут принадлежать и принадлежат в собственность частным лицам, однако, землею под этими зданиями владельцы их могут обладать лишь на праве пользования. За это право государство берет рентное обложение (см. постановление II сессии ЦИК Союза ССР о взимании ренты с земель городских и предоставленных транспорту). Но и здесь возможно использование строений на частно-собственнических началах. Правда, по отношению к жилым помещениям установлены в законе точные ставки возможной (по социальному положению квартирантов) квартирной платы, максимального предела жилой площади на каждое лицо и т. п. меры. Но по отношению к нежилым частным или хотя бы и государственным, но арендованным частными лицами, помещениям возможно их использование без ограничения на частно-хозяйственных началах. Недопустимо, по существующему закону, и возведение новых зданий на началах частной собственности. Но квартирный кризис побуждает некоторые органы выдвигать неправильные проекты допущения возводить новые дома на праве частной собственности с освобождением от всяких ограничений в деле взимания квартирной платы и жилой площади, занимаемой

отдельными лицами. Как мы увидим дальше, возможность использовать на частно-собственнических началах здания и сооружения предоставляется правом застройки, которое как бы специально приноровлено к нашим условиям, при отмене частной собственности на землю.

Мы не будем останавливаться на других установленных в нашем законе ограничениях по отношению к отдельным предметам, не могущим принадлежать на праве частной собственности частным лицам. Это детали, к основам нашего частного имущественного права не относящиеся.

Мы остановимся только еще на приобретении права частной собственности и ее охране от неправильного овладения ею. При более или менее развитых, «цивилизованных» общественных отношениях, когда уже не осталось не освоенных— не принадлежащих кому-либо в собственность вещей, почти единственным способом приобретения собственности является приобретение ее от собственника или вообще от управомоченного на ее отчуждение лица (способ приобретения собственности не первоначальный, оригинарный, а производный, деривативный). И если собственность признается неприкосновенной, то, казалось бы, такое производное приобретение может произойти только от действительно управомоченного на отчуждение, не может произойти против его воли. С другой стороны, если вещь, вопреки воле действительного собственника, попала в чужие руки, в руки лица, которое даже и считает, что оно приобрело на нее право собственности, то действительный собственник может потребовать ее обратно. Эти положения, при развитых товарных отношениях и были выработаны в римском праве, которое установило два правила: «nemo plus juris transferre potest, quam ipse habet» — «никто не может передать больше прав, чем сам имеет» и «ubi meam rem invenio, ibi eam vindico»—«где я свою вещь найду, там я ее и отбираю» (т.-н. начало неограниченной виндикации собственности). Эти же правила были усвоены и буржуазными кодексами начала XIX века. Они же существовали и в русских законах того времени (формально сохранились до самой революции).

Но выше мы видели, что, несмотря на неприкосновенность собственности, капиталист, против воли рабочего, отнимает у него без всякого эквивалента значительную часть его собственности—рабочей силы, вернее, ее продукта, прикрывая это отобрание формой заработной платы. Капиталистический строй, в интересах «оборота», капиталистического оборота, вводит отнятие и материальной собственности против воли действительного собственника, прикрываясь формой «добросовестного» приобретения, придавая, как и всегда, силу обманчивой внешности, а не действительным отношениям.

Крупный капиталист, приобретая товары у лица, которое ими располагает, не знает, каковы действительные отношения его контрагента к этим товарам: принадлежат ли они ему на праве собственности, переданы ли они ему собственником для продажи на известных условиях или без ограничений, или же только переданы на хранение без права продажи. Докапываться до действительных отношений ему нет времени и желания. Он доверяется внешности: по внешнему виду кажется, что распоряжающийся товарами в праве ими распорядиться. Он ошибочно принимает неуправомоченного за управомоченного, хотя последний, продавая ему вверенные лишь для охранения товары, совершает уголовное преступление—присвоение. Это называется «добросовестным» приобретением от неуправомоченного. И буржуазные кодексы начала XX века, да и судебная практика других буржуазных стран, вопреки словам кодексов, «защищают» этого добросовестного приобретателя. Хотя у его контрагента не было права собственности, не было права распоряжения этими вещами, он признается приобревшим эти товары в собственность в силу своей добросовестности. Его контрагент, вопреки всякой логике, передал ему гораздо больше прав, чем сам имел, передал ему то право собственности, которое он сам не имел [1]). Но передает он это право соб-

[1]) Недаром Лафарг говорит о своеобразной логичности капиталистического общества: «Деление членов этого общества на классы; безжалостная эксплоатация наемных рабочих, нищета которых растет по мере возрастания производимых ими богатств; кризисы перепроизводства, вызывающие голод среди изобилия; бездельники, раболепно просла-

ственности лишь в том случае, когда он получил соответственные предметы от собственника с тем, чтобы их не передавать в чужую собственность. Если же вещи эти не получены отчуждавшим их от собственника, а украдены у собственника, потеряны им или иначе выбыли из обладания собственника помимо его воли (как гласит германское уложение), то право собственности на них, несмотря на архидобросовестность приобретателя, не приобретается последним.

Юристы в этом случае уверяют, что интересы оборота требуют, чтобы добросовестный приобретатель получал вещи в собственность. Но что такое добросовестность? Добросовестность есть заблуждение, ошибка, принятие за действительность того, что не соответствует действительности. Обычно, ошибка не играет и не может играть роли факта положительного, основания для приобретения права. Оно может играть лишь отрицательную роль, основания для освобождения от обязательства, от наказания. Если я по ошибке запущу руку не в свой карман, а в чужой и вытащу оттуда бумажник, то я, правда, освобождаюсь от ответственности за кражу, но отнюдь не получаю в собственность ошибочно, «добросовестно» извлеченный из чужого кармана бумажник. Если два лица, покупатель и продавец, оба ошибаются, полагая, что продают и покупают серебряные вещи, которые в действительности являются медными, то эта их ошибка,—их добросовестное заблуждение влечет за собою недействительность сделки, т.-е. не приобретение соответственных прав, а их отрицание. Если, полагая, что я имею дело с Патти я дам

вляемые, пресыщенные наслаждениями; производители, презираемые и подавленные нуждой; мораль, религия, философия и наука, освящающие социальную анархию; всеобщее избирательное право, дающее политическую власть буржуазному меньшинству,—в конце-концов, решительно все в материальном и идеологическом построении цивилизации есть вызов человеческому разуму, и, однакоже, все здесь связано с непогрешимой логикой — все несправедливости с математической точностью вытек собственности, которая жалует капиталисту право красть стоимость, созданную рабочим». (Лафарг, «Экономический стр. 49).

равочную минизм».

ангажемент на дорогих условиях ее однофамилице или женщине, с лица на нее похожей, то я могу свое добросовестное заблуждение выставить только, как основание для расторжения договора с лже-Патти, а не требовать выполнения ангажемента от действительной Патти. Во всех случаях, как видим, добросовестность играет роль не положительного—правосоздающего, а отрицательного—праворасторгающего фактора.

Если товар приобретен от лица, к которому он попал вообще не по воле собственника, напр., от укравшего его, от нашедшего и т. п., то добросовестность приобретателя не меньше, а между тем он в этом случае не приобретает права собственности на товар. Значит, добросовестность сама по себе не является основанием для приобретения права собственности.

Выше мы уже указывали, как капиталист и его идеолог останавливаются на поверхности явлений, за внешностью не могут позволить себе разглядеть действительную сущность. И это стремление ограничиваться обманчивой внешностью стремятся провести в законах идеологи капитализма—юристы. Это стремление либо уже проведено в законах и судебной практике, либо остается еще «теоретическим» направлением, смотря по важности соответственных отношений для капитала. Товары, выбывшие из обладания собственника формально по его воле, хотя бы в действительности это означало их выбытие из его обладания против воли, ибо его воля вовсе не была направлена на передачу их в собственность посторонним лицам, приобретаются в собственность последними, если они им переданы лицами, которые кажутся им управомоченными. Если же с третьими лицами вступают в сделки представители, поверенные определенных лиц, или же лица, выдающие себя за-таких поверенных, то их сделки обязывают доверителей или даже мнимых доверителей, если третьим лицам к а з а л о с ь, если они добросовестно считали, что эти «представители» уполномочены доверителем вообще или обладают полномочиями определенных размеров. Это проведено или в законах, или в судебной практике.

Но юристы шли гораздо дальше. В интересах капитала, в интересах кредиторов они готовы посягнуть и на «священные узы брака», как они их называют. Французские юристы, которые никоим образом не согласны назвать «законным» ребенка, родившегося от родителей, которые формально не были связаны узами брака, готовы в интересах кредиторов признать мужем и женою парочку, совместно жившую в гостинице так, что кредиторам могло показаться, что они муж и жена. В этом случае они ссылаются на народную поговорку о браке: «Boire, manger, coucher ensemble, c'est mariage, il me semble»—«Пить, есть и спать вместе—вот, что есть брак, как мне кажется».

В начале прошлого десятилетия значительная масса немецких юристов—в интересах банкового капитала в особенности—стала требовать, чтобы признавались действительными сделки с сумасшедшим, если его контрагенту «казалось», что перед ним не сумасшедший, а здоровый человек. В интересах крупного капитала юристы готовы были отказаться от такого, казалось бы, основного положения, как необходимость сознательной воли при сделке. Помилуйте,—указывали они,—приходит эдакий субъект в банк, дает поручение совершить для него ряд биржевых сделок с ценными бумагами, а когда он потеряет на этих сделках, получается от него самого или от его родственников удостоверение психиатра, что он страдает душевной болезнью, исключающей возможность обнаружения сознательной воли. Все это хорошо, но за что же должен бедный банк страдать. Ведь, не написано на лице у клиента, что он сумасшедший. В банке его добросовестно сочли за здорового психически. В банке, добавлю, могли бы сказать: он нам казался столь же мало сумасшедшим, как и огромное большинство наших клиентов по биржевым сделкам, которые, в конце-концов, разоряются.

Как видим, во всех этих случаях не добросовестность, а интересы капитала диктуют его идеологам теории, которые бьют по лицу простой здравый смысл. Как видим, когда того требуют интересы капитала не только «ограниченный мозг буржуазного экономиста не в состоянии отличить форму

проявления от того, что в ней проявляется»,—когда того требуют интересы крупного капитала, ограниченный мозг буржуазного юриста требует, чтобы безмозглого человека считали умницей, психически вполне нормальным.

Но рекорд отказа от всякой логики в интересах капитала побивается в капиталистическом обществе, когда дело касается денег. Выше мы указывали, что, несмотря на одинаковую добросовестность приобретателя и в том случае, когда он приобретает краденый товар, и в том, когда он приобретает растрачиваемый доверителем товар,—он в первом случае не приобретает права собственности. На краденых и утерянных вещах, говорят иногда юристы, лежит особое родимое пятно, не смываемое никакой добросовестностью. Здесь уже внешность, то, что кажется, не может играть роли,—играет роль действительный характер вещи. Однако, когда дело касается денег,—положение меняется. По отношению к деньгам, в соответствии с основными взглядами капиталиста на денежный капитал, исчезает всякий след действительности, и остается только то, что кажется.

Такое отношение капиталиста к деньгам неоднократно отмечалось Марксом: «Товарный капитал, как непосредственный продукт капиталистического процесса производства, хранит воспоминание о своем происхождении из производственного процесса и потому по своей форме более рационален, не столь недосягаем для понятия, как денежный капитал, в котором изглажен всякий след производственного процесса» [1]).

«Как только он (денежный капитал) начинает исполнять функции авансированного денежного капитала, так уже исчезает всякое напоминание о том, что он возрос благодаря капитализации прибавочной стоимости. В форме денежного капитала, с которой он начинает кругооборот, изглаживаются следы такого происхождения» [2]).

«В деньгах нельзя разглядеть, какого сорта товар превратился в низкий. В своей денежной форме один товар выглядит совершенно так же, как и всякий другой. Деньги

---

[1]) К. Маркс, «Капитал», т. II, стр. 24.

[2]) Там же, т. II, стр. 53.

могут представлять навоз, хотя навоз и не деньги... Так как товар, превращаясь в деньги, исчезает, как таковой, то на деньгах не остается следов того, как именно попали они в руки владельцам, и что именно в них превратилось. Non olet,—деньги не пахнут, каково бы ни было их происхождение» [1]).

Не остается и на краденых деньгах следов того несмываемого добросовестностью пятна, которое запечатлено на каждом другом краденом товаре, тем более, что, по словам, цитируемого у Маркса, Ожье, деньги вообще «рождаются на свет с кровавым пятном на одной щеке». И буржуазные законы, которые провозглашают святость и неприкосновенность частной собственности, которые свирепо карают за кражу, предоставляют право собственности на украденные деньги и ценные бумаги банку, служащий которого «добросовестно» приобрел их у вора, который показался ему «порядочным джентльменом», собственником.

Различное отношение буржуазных законодательств к добросовестному приобретению краденых товаров и денег объясняется, разумеется, не только более отвлеченным, иррациональным характером денег, тем, что на них «не остается следов, как они попали в руки владельца». Крупным предприятиям, крупному капиталу, при нормальных буржуазных условиях, не приходится приобретать краденых товаров. Его оптовые закупки не встречаются с украденными или утерянными товарами. Он почти всегда имеет дело с известными ему лицами—с комиссионерами, владельцами складов и т. д.—и по отношению к товарам, которые у них находятся, он почти всегда уверен, что эти товары либо принадлежат им в собственность, либо на тех или иных началах переданы им или оставлены у них собственниками. Краденые вещи, утерянные вещи могут быть принесены в мелкое предприятие, мелкому капиталисту. Поэтому крупный капитал, в основном диктующий законы и судебную практику своей страны, не заинтересован в «защите добросовестного приобретения» краденых товаров. Отсюда и на-

[1]) Там же, т. I, стр. 77.

пыщенные фразы о позорном пятне на краденых вещах, не смываемом добросовестностью. Но поскольку дело касается денег и денежных бумаг, которые приносятся в кредитные и банковые учреждения в одиночку, мелкими купюрами, картина меняется. Банки заинтересованы в том, чтобы купленные ими краденые деньги и ценные бумаги от них не отбирались—и вот предаются забвению все фразы о позорном несмываемом пятне на краденых вещах.

Как видим, интересы крупного капитала, кредиторов, капитала в движении, ставятся выше, чем неподвижная собственность обладателей, потребителей. Ибо если «добросовестен» купивший не заведомо краденое, то в гораздо большей степени «добросовестен» тот, у кого украли; если добросовестен купивший у доверенного лица, которому товары были переданы не для продажи, то не менее добросовестен передавший товары собственник, который ошибся в честности, положился на честность своего доверенного.

Поскольку собственность таким образом приобретается от неуправомоченного, то действительно-управомоченный, действительный собственник лишается права требовать обратно свою собственность от добросовестного приобретателя, лишается права неограниченной виндикации своих вещей, теряет силу правило: «Ubi meam rem invenio; ibi eam vindico»: добросовестный приобретатель приобретает право собственности не только по отношению к третьим лицам, но и по отношению к действительному собственнику, который таким образом лишается собственности, который становится «бывшим» собственником, экспроприированным собственником.

Наш Гражданский Кодекс также исходит из того, что право собственности на (существующие [1]) вещи, переходит на основании договора между отчуждателем (управомоченным на отчуждение) и приобретателем (стр. 66). Отчуждатель должен сам быть собственником или во всяком случае получить от собственника уполномочие на отчуждение, на пе-

[1]) Здесь само собой разумеется, что основанием приобретения собственности является и самостоятельный труд, создающий новые вещи или перерабатывающий материалы в новую вещь.

редачу в собственность другому лицу. Однако, и по нашему кодексу, от добросовестного приобретателя собственник не всегда может потребовать обратно свою собственность. Дальше всего идет защита собственности государственной. Выше мы видели, что в интересах крупного капитала буржуазные законодательства устанавливают, что собственник не может потребовать обратно своей собственности от добросовестного приобретателя, если этот последний приобрел ее от лица, которому сам собственник передал ее (но не для отчуждения, а в наем, на хранение и т. д.). Допустить такое же правило в наших условиях по отношению к государственному имуществу, когда государство стало крупнейшим, преобладающим собственником, означало бы облегчить возможность растранжиривания государственного имущества. Лица, которым это имущество доверено, могут казаться третьим лицам на первый взгляд управомоченными и на отчуждение имущества, но мы можем требовать, чтобы третьи лица не доверяли внешнему впечатлению, а требовали бы бесспорных доказательств того, что перед ними лица, действительно обладающие соответственными полномочиями. Поэтому наши «государственные учреждения и предприятия могут потребовать от всякого приобретателя принадлежащее им имущество, незаконно отчужденное каким бы то ни было способом» (ст. 60), — не только похищенное и утерянное, но и приобретенное от лица, которое выдавало себя за управомоченное и которое соответственным государственным органом было к данному имуществу приставлено. По отношению же к частному имуществу наш кодекс защищает «добросовестного приобретателя»: «От лица, которое добросовестно приобрело имущество не непосредственно у собственника, последний в праве истребовать имущество лишь в том случае, когда оно им (собственником) утеряно или похищено у него» (ст. 60). При этом «приобретатель признается добросовестным, если он не знал и не должен был знать, что лицо, от коего он приобрел вещь, не имело права отчуждать ее».

Допустить в наших условиях, когда крупнейшие эмиссионные и кредитные учреждения являются государственными,

право добросовестного приобретателя на приобретение даже краденых денег и ценных бумаг, означало бы поощрять кражу денег и ценных бумаг из кладовых государства [1]).

Я здесь не останавливаюсь на приобретении собственности по давности, которое в иностранных буржуазных законодательствах лишилось всякого практического значения в виду введения публичных книг для недвижимости и защиты «добросовестных» приобретателей — для движимости. Наш кодекс не признает приобретательной давности.

Глава VII.

Исключительные права.

Под исключительными правами понимаются права, которые предоставляют монопольное право их обладателю пускать их в оборот, извлекать из них выгоды и запрещать посторонним лицам без разрешения их обладателя извлекать выгоду из объектов соответственных прав. Главнейшими из этих прав являются: право на изобретение, авторское право, право на товарные знаки и право на промышленные рисунки и модели.

Наш гражданский кодекс не включил в себя регулирование этих прав. Они провозглашены только в общем виде декретом об основных частях имущественных прав от 22-го мая 1922 г., который (ст. 5, разд. II) предоставляет всем гражданам: «право на изобретение, авторское право, право на товарные знаки, промышленные модели и рисунки в пределах, устанавливаемых особым законом». Но такие особые законы пока изданы только в отношении товарных знаков.

Авторское право и право на изобретение явились в буржуазных законодательствах первой брешью в идее «вечной» собственности. По отношению к этим правам, которые с точки зрения буржуазной идеологии принципиально не отли-

[1]) Тем не менее, такое требование настойчиво выдвигается и (когда пишутся эти строки) имеется даже постановление СНК Союза в этом смысле, однако еще не утвержденное ЦИК.

чаются от права собственности,—согласно буржуазной идеологии, эти права, как и собственность суть результат личного труда,—были установлены с самого начала сроки, в течение которых их обладатели могут извлекать из них исключительные выгоды. А по истечении этих сроков права эти становятся достоянием «всего общества», однако не в том смысле, что монопольное право извлечения выгод из этих прав переходит к обществу, как к коллективу, а в том смысле, что каждый член общества может начать индивидуально их использовать, извлекать из них те или иные выгоды.

В этой области признавалось, таким образом, с самого начала, что творения автора, изобретение—не суть продукт исключительно личного творчества, что автор и изобретатель в своей работе опираются на опыт всего общества, стоят на плечах своих предшественников. Но все-таки здесь необходим творческий акт. И отсюда делали вывод: нужно дать творцу (автору, изобретателю) возможность настолько извлекать выгоды из своего творчества, чтобы это поощряло к творчеству вообще. Поэтому патенты на изобретения вообще ограничены сравнительно краткими сроками (10—15 лет), а авторское право (на литературные произведения) дается автору пожизненно и еще на несколько лет после его смерти наследникам (от 7 лет после смерти автора в некоторых местах Соединенных Штатов С. А. до 80 лет—в Испании, а в большинстве стран 30—50 лет [1]).

По отношению к изобретениям, к творчеству буржуазный строй обнаруживает на самом деле иное отношение, вполне отвечающее всем остальным деяниям этого строя: он экспроприирует изобретателя-творца в пользу капиталиста. Во-первых, почти все изобретения, направленные на расширение производительных сил, делаются рабочими, занятыми в производстве, или особыми специалистами, работающими в ла-

[1]) Кстати, отметим здесь, что по отношению к собственности, для приобретения которой со стороны капиталиста не требуется никакого творческого акта, и возникновение которой, несомненно, обязано своим происхождением обществу, никаких таких выводов буржуазное правоведение не делало.

бораториях при фабриках и заводах. Изобретения этих людей присваиваются капиталистом, который чрезвычайно низко в этом отношении оплачивает труд соответственных специалистов и вовсе не оплачивает (дополнительно) творчество рабочих, работающих в его предприятии.

Во-вторых, капиталисты вообще бесплатно используют общественное развитие производительности труда, всевозможные усовершенствования, которые делаются в *других* предприятиях. Маркс отмечает следующую характерную особенность роста прибыли отдельных капиталистов, благодаря своеобразной экономии на постоянном капитале: «Характерная особенность этого рода экономии на постоянном капитале, обусловленной прогрессивным развитием промышленности состоит в том, что здесь возрастание нормы прибыли в *одной* отрасли промышленности вызывается развитием производительной силы труда в *другой* отрасли. То, что при этом выигрывает капиталист, есть опять-таки та выгода, которая является продуктом общественного труда, хотя в данном случае не продуктом рабочего, эксплоатируемого непосредственно самим капиталистом. Указанное развитие производительной силы в последнем счете всегда сводится к общественному характеру труда, приведенного в деятельность, к разделению труда внутри общества, к развитию интеллектуального труда, особенно естественной науки. *Капиталист использует здесь выгоды всей системы общественного разделения труда*. Итак, развитие производительной силы труда в подразделении, лежащем вне данной отрасли промышленности, в подразделении, доставляющем этой последней средства производства [1]),—вот, что в рассматриваемом случае относительно

[1]) «Развитие производительной силы труда в *одной* отрасли производства,—напр., в производстве железа, угля, машин, в строительном деле и т. д., — которое, в свою очередь, может отчасти зависеть от успехов в области интеллектуального производства, именно естественных наук и их применения, является здесь условием уменьшения стоимости, а следовательно, и издержек на средства производства в *других* отраслях промышленности, напр., в текстильной промышленности или земледелии» (К. Маркс, «Капитал», т. III, стр. 56).

понижает стоимость применяемого капиталистом постоянного капитала и, следовательно, повышает норму прибыли» [1]).

Наука, таким образом, превращается в собственность капиталистов. Вот почему на изобретение, представляющее собою «научное открытие или отвлеченную теорию» не дается патента, не дается исключительного права. Еще при мануфактурном разделении труда «духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим, как чужая собственность и порабощающая их сила». «Этот процесс... завершается в крупной промышленности, которая отделяет от рабочего науку, как самостоятельную потенцию производства и заставляет ее служить капиталу» [2]).

Но этого мало. Капитал делает своей собственностью чужие изобретения без риска, лишь после того, как первые трудные шаги в этой области сделаны пострадавшими, разорившимися пионерами. «Издержки, которых требует для своего ведения предприятие, усвоившее себе новые изобретения, всегда гораздо значительнее, чем издержки предприятий, возникших на его развалинах, ex suis ossibus. Это до такой степени верно, что обыкновенно предприниматели-новаторы банкротятся и лишь их последователи, в руки которых строения, машины и т. п. попадают по более дешевым ценам, процветают. Потому-то в большинстве случаев самые ничтожные и жалкие представители денежного капитала извлекают наибольшую выгоду из всякого прогресса общей работы человеческого духа и ее общественного применения при помощи комбинированного труда» [3]).

Как видим, капиталист без всякого смущения присвоивает себе результаты чужих изобретений, к которым он в действительности не стоит ни в каком, ни в правовом, ни даже в фактическом отношении. Но соответственную претензию рабочих капитал считает чудовищной. Маркс цитирует ряд капиталистических отзывов по этому вопросу: «Рабочие тщательно следят за ценой сырого материала и ценой фабрика-

---

[1]) К. Маркс, «Капитал», т. III, стр. 56.
[2]) Там же, т. I, стр. 340.
[3]) Там же, т. III, стр. 80—81.

тов и всегда в состоянии точно определить прибыли своих хозяев». «Рабочие не имеют основания претендовать на долю той прибыли, которая создается благодаря тому, что капитал их предпринимателей затрачивается на технические усовершенствования». «Трэд-юнионы, стараясь поддерживать определенный уровень заработной платы, стремятся добиться участия в прибыли, проистекающей от улучшения машин (ужасно!..). Они требуют повышения платы на том основании, что труд сокращается... Другими словами, они стремятся обложить налогом промышленные усовершенствования». И саркастически добавляет: «Такие притязания капитал справедливо отвергает, как основанные на грубом непонимании природы наемного труда. Он возмущается претензией рабочих облагать в свою пользу налогом прогресс промышленности и категорически заявляет, что рабочим вообще нет никакого дела до производительности их собственного труда» [1].

Капиталисты не возражают против обложения «незаслуженного прироста ценности» (unpayed increment), поскольку дело касается землевладельцев и домовладельцев. Если земля вздорожала от проведения железной дороги, если дом вздорожал от проведения трамвая,—капиталисты и государство допускают особое обложение этого «незаслуженного» домовладельцами и землевладельцами вздорожания. Но они не могут допустить обложения столь же «незаслуженно» возросшей их собственной прибыли, возросшей от применения изобретений и усовершенствований в других предприятиях.

---

[1]) В настоящее время даже капиталистических писателей начинает смущать подобная «справедливость». Ср. «Wi.tshaftsdienst» (№ от 29 го марта 1923 г., стр. 310): «Фабрикант или купец назначает за свой товар цену, вычисленную соответственно курсу иностранной валюты или на основании издержек воспроизводства или же, наконец, цену, установленную его союзом; он беспрестанно повторяет при этом красивые слова о требованиях справедливости, но он ни в коем случае не склонен признать за рабочим такого же права на золотую заработную плату или на издержки воспроизводство его труда, или же на тариф, установленный рабочим союзом. Напротив того, он противится этому всеми средствами, какие только имеются в его распоряжении». (Цитировано у Ш. Дволайцкого, «Германия в 1923—24 гг.», стр. 66—67.

У нас на первый план поставлены не интересы отдельных капиталистов, а интересы развития производственных сил страны. Поэтому построение исключительных прав отдельных лиц, изобретателей и авторов—должно у нас идти не по той линии, по которой оно идет в буржуазных странах. Необходимо поощрять изобретения—поэтому следует предоставить изобретателю (индивидуальному или предприятию, которое организует у себя изобретения) столько прав, чтобы ими окупались его стремления к изобретениям, но не больше. Необходио допустить немедленное обобществление, т.-е. передачу в руки государства особо важных для последнего изобретений с возмещением, однако, изобретателю тех выгод, которые он мог бы получить, если бы в течение известного срока он сам использовал свое изобретение. Необходимо, наконец, признать, что изобретения, которые к истечению срока патента, еще не устарели, становятся не достоянием любого гражданина, а достоянием общественным, т.-е. переходят в распоряжение государства.

То же самое должно быть сказано и в отношении а в т о р с к о г о п р а в а. Здесь также необходимо признать авторское право срочным, с самого начала ограниченным определенным сроком. По отношению к целому ряду авторских прав (на фотографические, кинематографические и т. п. произведения) это не возбуждает споров даже в буржуазных государствах. Но и по отношению к авторскому праву на литературные произведения необходимо установить срок, в течение которого автор может пользоваться своим исключительным правом. В нашем проекте авторского права такой срок установлен в 30 лет со дня выхода издания в свет. При этом, если автор умрет ранее истечения этого срока, то на оставшийся срок его право переходит в общем порядке к его наследникам. По истечении же указанного срока исключительное авторское право на данное произведение (разумеется, с сохранением на нем имени автора) должно перейти к государству. Произведение, имеющее особо важное значение, признанное имеющим общегосударственный интерес, государство может объявить своим достоянием, с возмещением автору тех выгод, которые он получил бы,

если бы государство не объявило его произведение своим достоянием.

Против ограничения авторского права прижизненным сроком можно сделать то возражение, что автор при своей жизни может изменить свои взгляды и учения и может не пожелать, чтобы под его именем появлялось то, под чем он в данное время не подписался бы. Но это возражение, которое могло бы быть направлено против индивидуального права любого гражданина издавать произведения данного автора, едва ли может быть направлено против общественного права государства, которое продолжает признавать ценность произведения (взглядов, учения) данного автора [1]), хотя сам этот автор в них разочаровался. Самое большее, чего в этом отношении можно потребовать,—это предоставить автору право делать на таких изданиях отметки, что он ко времени издания уже не придерживается высказанных в его произведении взглядов.

Право на товарные знаки и (в значительной мере также) на фабричные модели и рисунки имеет своей целью борьбу с недобросовестной конкуренцией: этикетка на товаре и сама форма (рисунок) товара, выпускаемого в оборот, должна свидетельствовать публике о качествах товара, изготовленного данным предприятием; другие предприятия не должны обманывать публику, наклеивая на свои товары чужие (или похожие на чужие) этикетки, не должны присвоивать себе рисунок или модель данного товара, понравившегося потребителям и потому могущего рассчитывать на больший сбыт. В этом направлении и должна быть дана защита товарным знакам и промышленным рисункам и моделям.

---

[1]) Ср. К. Маркс, «Капитал», т. III, стр. 80: «Общим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обусловливается частью кооперацией современников, частью использованием работы предшественников».

ГЛАВА VIII.

Право застройки.

Право застройки есть длительное право на использование чужой земли с целью воздвигнуть на ней и иметь строения и сооружения. Та же цель может быть достигнута отчасти и путем краткосрочной аренды для выстройки. Но в последнем случае арендатор не обеспечен в том смысле, что по истечении краткого срока аренды он становится в полную зависимость от землевладельца, который для возобновления аренды может выставить любые условия. Поэтому, с другой стороны, арендатор возводит жалкие строения, которые могут быть амортизованы (совершенно изношены) в течение краткого срока аренды.

До XX столетия это право застройки почти не было известно в континентальной Европе. Прочно строились на своей земле или же возводили жалкие строения на чужой земле. В России до революции имелись, однако, целые города, построенные на чужой земле, на земле, принадлежавшей большей частью отдельным помещикам (т.-н. владельческие города). Города эти были выстроены большею частью на арендованной земле. Положение домовладельцев-арендаторов было рабски-зависимым по отношению к землевладельцам. В Витебске, напр., в 1903 г. выгорела одна треть города, при чем оказалось, что арендаторы подожгли свои дома, не желая платить владелице той, ни с чем несообразной, высокой арендной платы, которую она на них наложила.

Стремление ослабить жилищный кризис, при нежелании землевладельцев расстаться с землей, привело в Западной Европе в XX столетии к установлению, взамен аренды под выстройку, права застройки. За последние 10—15 лет такое право было установлено в Германии, Австрии, Швейцарии. Было оно введено и в России в 1912 году. В Англии такое право (lease) существовало испокон веков, оставшись там еще со времен средневековья, когда и в континентальной Европе оно было сильно распространено. Землевла-

дельцы не желали там расстаться с землей навеки. Поэтому они первоначально сдавали землю под выстройку на 999 лет (веком считалось тогда тысячелетие). Впоследствии, когда век был столетием—стали сдавать землю на 99 лет (опять-таки не на век,—на год меньше, чем на век). За последние 30—40 лет в Англии при сдаче земли под выстройку, руководствуются уже не мифическими опасениями сдачи земли на век, а более рациональными соображениями о сроке, в течение которого постройка может амортизоваться, окупить себя. Часто встречаются поэтому договоры на 60—70—80 лет.

В наших условиях, когда нельзя приобресть землю в собственность, когда всякая постройка есть постройка на чужой для застройщика, государственной земле, право застройки есть не только наиболее приспособленный, но и единственно возможный способ возведения строений и сооружений частными лицами. На весь срок, на который устанавливается право застройки, застройщик обладает твердым правом как на самые строения, так и на находящуюся под ними землю. Его право застройки (право на строения вместе с землею) является предметом оборота, может переходить из рук в руки, может продаваться и вообще отчуждаться. Застройщик может поэтому получать под свое право застройки долгосрочный кредит, обеспечением которого служит это его твердое, точно определенное, длительное и отчуждаемое право.

Необходимо только устанавливать это право на такие сроки, в течение которых соответственные возводимые постройки могут окупиться. В нашем законе максимальными сроками застройки являются: для деревянных построек—24 года, для каменных—49 лет. Возводимые у нас деревянные и иные постройки в течение указанных сроков окупаются, амортизуются. Долгосрочный кредит на 49 лет для каменных, солидных построек дает возможность погасить в течение этого срока все расходы по постройке (к проценту на капитал приходится добавлять ничтожную часть процента на амортизацию).

Для рационального использования выстроенных на праве

застройки зданий необходимо, однако, ввести такие добавочные условия, при которых к окончанию срока этого права не получилось бы развалин или опять незастроенного места. В особенности у нас, когда на право застройки сдаются и могут сдаваться земли только коммунотделами, имеющими своей задачей плановую застройку. Если сдаются земли, чтобы застроить пригород, т.-е., в сущности, образовать новый город или часть города, то никоим образом нельзя допустить, чтобы по окончании срока, на который земли сданы под постройки, этот новый город превратился в развалины или же подлежал сносу. Наоборот, необходимо создать такие условия, которые поощряли бы частного застройщика содержать постройки в таком порядке, чтобы и по окончании срока его права, они могли быть сданы городу в виде, вполне годном для дальнейшего их использования.

Необходимо поэтому в виде непременного условия для застройщиков устанавливать, что им будет оплачена стоимость построек по окончании срока застройки,—стоимость построек в том виде, в каком они окажутся (а оказаться они должны в виде, вполне годном для дальнейшего их использования). Только такая оплата остающихся построек может послужить достаточным стимулом для застройщика поддерживать постройки все время в годном состоянии, только такая оплата приводит на практике к сохранению построек.

В Англии земля под городами принадлежит в большинстве частным лицам. Лорду Девонширскому принадлежит, если не ошибаюсь, около одной трети земли, на которой построен Лондон. Частные лица сдают земли не по плану, не заинтересованы в сохранении городов. Вот почему у них обычное условие, что по окончании срока договора все постройки переходят бесплатно к землевладельцу. Но практика английская показывает, что, благодаря таким условиям, к землевладельцам переходят постройки в совершенно разоренном виде. За несколько лет до окончания таких договоров застройщики переуступают их перекупщикам (rack-renter'ам), которые разбивают их на нищенские жилища и углы, в виду наибольшей доходности этих углов. Еще в 60-х годах прошлого столетия Маркс отмечал эти факты для Англии.

Он указывал на «постоянную скупку договоров о застройке, срок которых близится к окончанию». Он цитирует отчет официальной комиссии по народному здравию, которая заявляет: «От джентльменов, занимающихся этим делом, можно ожидать, что они будут действовать так, как они действуют, выколачивать все возможное из квартирантов и передавать дома своим преемникам в таком жалком состоянии, как только возможно». Маркс тут же отмечает: «Всякому известно, что дороговизна жилых помещений обратно пропорциональна их качеству, и что рудники нищеты эксплоатируются строителями-спекулянтами с большей прибылью и меньшими издержками, чем эксплоатировались когда бы то ни было серебряные рудники Потози» [1]). Эти порядки остались без изменения в Англии и до настоящего времени.

Наш закон о праве застройки, включенный в Гражданский Кодекс устанавливает, с одной стороны, обязанность застройщика сдавать (по истечении срока договора и во всех остальных случаях) коммунотделу постройки в исправном состоянии, а с другой—налагает на этот отдел во всех случаях обязанность оплатить застройщику стоимость сдаваемых построек к моменту их сдачи (ст. 83). После сказанного ясно, насколько неправильно примечание к этой, 83-й, статье, включенное в Украинский Гражданский Кодекс: «В договоре о застройке могут быть установлены и иные правила о судьбе построек при прекращении договора о застройке (о безвозмездной передаче в пользу Откомхоза, о сносе и проч.)». Необходимо всячески рекомендовать украинским отделам коммунального хозяйства подобных «иных правил» в договоры о праве застройки не включать, во избежание, указанных выше, английских результатов.

ГЛАВА IX.

Имущественный наем.

Форма имущественного найма (аренда и пр.) в истории добуржуазных и буржуазных отношений собственности явля-

[1]) Ср. «Капитал», т. I, стр. 652 и 650.

лась орудием самой злостной эксплоатации и кабалы. Собственники, в большинстве монополисты в этой области не только диктовали под видом свободного договора свою хозяйскую волю нанимателям и арендаторам, но и почти всегда закон не давал защиты нанимателям против собственников. Выше, в первой главе, уже было указано в частности, как в противоположность собственникам, наниматели не получали никакого возмещения за их права, отнятые у них «для достижения общеполезной цели». Правда, в свою очередь, арендатор мог являться эксплоататором по отношению к собственнику, когда он был экономически сильнее последнего, напр., при аренде капиталистом или кулаком крестьянской парцеллы (мелкого участка). Но в общем, в подавляющей массе случаев, собственник, благодаря своей монополии, диктовал и продолжает (в буржуазных странах) диктовать свои условия нанимателю. Наниматели находятся в целом ряде буржуазных стран не только в экономической, но и в политической зависимости от собственников. При «свободе» арендных отношений, сводящейся к тому, что от произвола собственника зависит сдать или не сдать землю фермеру, или квартиру—жильцу, фермеры «свободно» голосуют за своего лендлорда при выборах в парламент, квартиранты за своих домовладельцев при выборе в городские «самоуправления».

Таким образом, ясно видно, что в буржуазном строе говорить о «свободе договора» имущественного найма можно только, закрывая глаза на действительность. Предоставить в этом отношении все «свободному усмотрению сторон», значит—закабалить одну сторону другой.

В наших условиях, когда собственность на целый ряд важнейших имущественных благ изъята из частного оборота, имущественный наем, как форма платного и срочного пользования имуществом, находящимся в чужой собственности, должен получить гораздо большее распространение, чем в странах, где неограниченно господствует частная собственность. Важнейшими видами имущественного найма являются у нас: наем (аренда) земли, составляющей государственную

собственность [1]), аренда национализированных государственных предприятий, наем помещений, в особенности помещений для жилья. Это—важнейшие виды имущественного найма, хотя существуют и разные другие виды: взятие имущества напрокат и т. д. Наем имущества ограничен у нас максимальным сроком в 12 лет.

Остановимся сначала на сдаче в аренду земли. В виду того, что вся земля есть собственность (достояние) государства (ст.ст. 21 и 53 Гражд. Код., ст. 2 Земельн. Код.), казалось бы, что она может находиться в пользовании всякого рода лиц и учреждений только за плату, т.-е. на началах аренды. Однако, в виду того, что по отношению к крестьянскому сельскохозяйственному использованию земли установлен единый сельскохозяйственный налог, этот налог пока заменяет взимание арендной платы за землю, предоставленную в сельскохозяйственное использование на началах трудового землепользования. По отношению же к остальным землям сельскохозяйственного значения, составляющим земли непосредственного государственного владения и являющимся государственными земельными имуществами (госземимуществами, ст. 5 Земельн. Кодекса), возможно двоякого рода использование их: или непосредственное хозяйственное использование со стороны соответственных органов государства или сдача их в аренду разным лицам и учреждениям (не только частным, но и государственным). При сдаче таких госимуществ в аренду устанавливаются обязательные для арендатора правила рационального использования этих имуществ. Установлен в этих случаях и бесспорный порядок взыскания сумм, причитающихся с арендатора органам, заведывающим этими имуществами.

По отношению же ко всем прочим землям, находящимся в городских поселениях, предоставленных транспорту и даже

[1]) Допускается также и трудовая (в пределах, которые может осилить арендатор трудом своего двора без применения наемного труда) аренда земли, находящейся в постоянном крестьянском пользовании (ст. 28 и след. Земельн. Кодекса).

находящимся вне городских поселений, но не имеющих сельскохозяйственного значения, установлено так-наз. рентное обложение, взыскиваемое в виде основного—в пользу государства и в виде дополнительного—в пользу соответственных местных органов (советов, исполкомов). Останавливаться подробнее на форме и содержании этого рентного обложения здесь не представляется возможности. Можно только указать, что это обложение является чем-то средним между налогом и арендной платой, почему не исключена в отдельных случаях возможность взыскания этого обложения в составе арендной платы [1]).

По отношению к национализированным предприятиям возможность их сдачи в аренду была установлена почти с самого начала провозглашения новой экономической политики. Еще в июле 1921 г. (декрет СНК от 5-го июля: «О порядке

[1]) На началах нормальной свободы арендного договора не стоят в настоящее время и иностранные буржуазные законодательства. Для иллюстрации приведем германский закон о защите арендаторов от 1-го июля 1922 г. (прусский закон от 29-го сентября 1922 г.). Этот закон, правда, предусматривает аренды только до 10 гектаров (около 10 десятин). Этим законом установлены специальные арендные примирительные камеры, которые могут принудительно вмешиваться в отношения сторон. Этим камерам предоставлено право вмешательства не только в том случае, когда установленные в договоре условия являлись крайне несправедливыми, разорительными, или представляли собою эксплоатацию крайней нужды, неопытности или легкомыслия, но и в том случае, когда (в виду изменившихся обстоятельств) сохранение условий договора представляло бы собою эксплоатацию крайней нужды или тяжкую несправедливость или имело бы своим последствием впадение той или иной стороны в хозяйственную нужду. При аренде государственных или общественных земель вмешательство этих примирительных камер допускается и при отсутствии этих условий. Камеры могут продолжить арендный договор, повысить или понизить арендную плату и т. д. Следующая инстанция может вмешаться по своей инициативе даже без жалобы заинтересованной стороны. Как видим, хотя этот закон и назван законом о защите арендаторов, он в целом ряде случаев (напр., повышение арендной платы) направлен на «справедливую» защиту землевладельцев, которым грозило бы впасть в хозяйственную нужду, которым пришлось бы в течение ряда лет продолжать получать установленную в договоре номинальную плату, несмотря на падение цены денег. Как мы дальше увидим, эти «соображения справедливости» в сходных случаях, когда выигрывали собственники, нередко ни во что не ставились.

сдачи в аренду предприятий, подведомственных ВСНХ») такая возможность аренды *без ограничения размерами предприятий* была допущена. Было только указано (ст. 5 этого декрета), что арендаторы отвечают за сохранность данного им в пользование имущества по суду, как в гражданском, так и в уголовном порядке. В наказе Совнаркома: «О проведении в жизнь начал новой экономической политики» от 9-го августа 1921 г. ограничения были намечены только в том смысле, что важнейшие предприятия не могут быть сданы в аренду. Было признано необходимым перестроить хозяйство на следующих началах: «Государство в лице ВСНХ и его местных органов сосредоточивает в своем непосредном управлении отдельные отрасли производства и определенное число крупных или почему-либо с государственной точки зрения важных, а также подсобных к ним предприятий, взаимно дополняющих друг-друга... Предприятия, не вошедшие в вышеуказанные группы, должны быть, на основах, предусмотренных декретом об аренде и инструкциями ВСНХ, сдаваемы в аренду... Советские органы должны, не колеблясь и энергично, проводить в жизнь декрет о сдаче в аренду в отношении тех предприятий, которые не могут быть пущены в ход и поддерживаемы советскими хозяйственными органами, содействуя тем разгрузке государственного аппарата от мелких предприятий и заводов» (ст. ст. 4 и 5 Наказа).

В инструкциях ВСНХ и в выработанном ВСНХ типовом договоре на арендатора возлагается осуществление определенной производственной программы, пуск предприятия в ход для выполнения этой программы не позже определенного срока по заключении договора, производство текущего ремонта (а иногда и капитального ремонта, но с соответственным уменьшением арендной платы) и страхование предприятия. Арендная плата устанавливается либо в твердых деньгах, либо в виде процентного отчисления со стоимости продукции (в последнем случае—сумма отчислений не может быть ниже процента с установленной по производственной программе продукции, хотя бы производство фактически и не достигло этих размеров). Арендованные

предприятия обязаны отчетностью так же, как и не сданные в аренду государственные предприятия и в этом отношении наравне с ними подчинены надзору рабоче-крестьянской инспекции.

Эти постановления обобщены в Гражд. Код., вступившем в силу с 1-го января 1923 г. Для охранения государственной собственности договоры об аренде государственных или коммунальных предприятий не только должны быть, под страхом их недействительности, совершены в нотариальном порядке, но и в том же порядке, и под страхом той же недействительности должна быть составлена подробная опись сдаваемого имущества. Арендатор обязан вести производство в размерах не ниже установленного в договоре минимума, при чем указание на этот минимум выработки и срока его достижения должно быть включено в договор под страхом его недействительности. На нанимателе лежит не только текущий, но и капитальный ремонт, поскольку в договоре не установлено иное. Наниматель обязан страховать сданное ему имущество в полной мере за свой счет и в пользу государства. Передавать арендованное предприятие другим лицам арендатор может только с письменного разрешения органа, сдавшего ему предприятие в аренду (ст. 153 и сл. Гражд. Код.).

Наем помещений (жилых, отчасти и торговых) за время войны и после ее окончания перестал быть во всех почти странах делом «свободного соглашения» сторон. Подробную сводку о положении этого вопроса мы находим в представленной английскому министру здравоохранения Н. Чемберлену в июле 1923 г. записке «Международного Общества городов-садов». В составлении этой сводки принимали участие: для Франции—А. Селье, для Румынии—Сусфинтеско, для Голландии—Ван-дер-Лерх, для Нью-Йорка—К. Левис, для Швеции—Э. Джостренд, К. Гирлов—для Норвегии, Л. Валенсия—для Испании, А. Отто—для Германии, Э. Кузи—для Финляндии, сенатор Винк—для Бельгии и Г. С. Генсен—для Дании. Во всех перечисленных странах выселение квартиронанимателей по общему правилу не допускается, если они выполняют возложенные на них по договору обязанности.

Почти повсюду размер квартирной платы так или иначе нормирован и не подлежит повышению по усмотрению домовладельцев. Почти повсюду домовладельцы обязаны сдавать пустующие помещения. В очень многих странах установлены специальные примирительные камеры из представителей квартирантов и домовладельцев для урегулирования спорных вопросов. Эти органы,—или по их предложению другие государственные органы,—могут устанавливать подлежащую взысканию плату или даже от имени домовладельцев и квартирантов (хотя бы и против их воли) заключать договор найма. В Нью-Йорке, напр., если не достигнуто соглашение о плате, домовладелец может обратиться к судье, который (по требованию нанимателя—с присяжными) устанавливает размер квартирной платы. В Норвегии жилищные комиссии могут понизить квартирную плату не только по просьбе квартиронанимателя, но и по своей собственной инициативе и даже в том случае, когда эта плата была установлена по соглашению сторон. В Голландии комиссии имеют право заставить домовладельцев сдать пустующие дома, а при невыполнении домовладельцем соответственного требования комиссии—сдать дом своим распоряжением. В особенности аннулированы права домовладельцев в Германии. Составитель части сводки для Германии отмечает, что основной целью закона была временная экспроприация доходов домовладельца. И, действительно, за свое право собственности домовладелец в Германии мог получить не более 1% того, что он получал до войны.

В настоящее время в некоторых странах, в особенности там, где усиливается боевой фашизм, включающий в свои ряды и группу средних собственников (в том числе домовладельцев), делаются попытки к отмене этих ограничений (так, напр., в Финляндии, Италии). Намечены изменения и в Германии.

Однако, до последнего времени квартирные законы представляли собою в Германии экспроприацию домовладельцев (доходных, многоквартирных домов) в пользу крупного капитала. Благодаря падению марки крупные капиталисты, а не только домовладельцы, освободились от закладных по

грошу за рубль. Но погашение, напр., железнодорожными компаниями своих облигационных займов уплатой ничтожной суммы бумажных марок не повлекло за собой никаких невыгодных последствий для этих компаний: держатели облигаций были экспроприированы на точном основании закона: «марка всегда марка». Но то обстоятельство, что заложенные и перезаложенные дома были выкуплены домовладельцами за бесценок, заставило проснуться капиталистическую «справедливость»: средние домовладельцы перестали платить проценты по закладным и хотят получать прежние доходы; в интересах «социальной справедливости» необходимо отнять у них эти доходы.

Когда Цезарь окончил гражданскую войну, он из своей награбленной военной добычи покрывал в течение некоторого времени плату за квартиры участников войны—своих легионеров. Германские крупные капиталисты решили по окончании войны, в которой они награбили невероятные суммы на военных заказах, увеличить эти суммы не за свой счет, а за счет среднего домовладения. Они решили путем закона экспроприировать в свою пользу домовладельцев, сдающих квартиры. Необходимо отметить, что никаких ограничений по отношению к виллам и особнякам крупных капиталистов не установлено. Особняк в 30 комнат, занимаемый капиталистом, не признается «пустующим домом». Все же дома, в которых квартиры сдаются за плату, в которых большинство городского населения—рабочие (в Германии рабочих 15 миллионов), подлежат принудительной сдаче и плата «за стены» равна почти нулю. Закону придан вид преследующего исключительно социальные интересы—облегчение жилищного кризиса и тяжелого положения рабочих и служащих. На самом же деле капиталисты получили возможность на всю стоимость квартирной платы понизить заработную плату своих рабочих и служащих и соответственно уменшить расходы своего государства на содержание чиновников, предоставив им не за свой счет даровые квартиры.

Когда пишутся эти строки, германское министерство Маркса, при уволенном в отпуск рейхстаге, собирается подарить домо-

владельцам половину их прежних доходов, а другую половину взять в доход государства (с тем, чтобы этот доход израсходовать на нужды «разоренных» рурских и иных магнатов капитала). В виду желания фашизировать Германию ее правительству приходится бросить подачку среднему сословию—городским домовладельцам.

Объяснить в подробностях мотивы, которые заставили остальные буржуазно-капиталистические правительства принять меры «в защиту квартирантов», здесь не представляется возможности. Во всяком случае, здесь играли решающую роль отнюдь не только интересы этих квартирантов, которые могли бы впасть в нужду при «свободной» сдаче квартир. Это видно и из того обстоятельства, что почти повсюду льготы квартирантам давались независимо от их социального положения, не затрогивались особняки собственников и т. д.

У нас наем помещений, в особенности жилых, построен на классовом начале. У нас нельзя выселять—и по окончании договора—лиц определенных категорий: сюда входят все наемные рабочие, служащие государственных учреждений и предприятий, служащие частных предприятий, имеющие право состоять членами профсоюза, учащиеся государственных учебных заведений, состоящие на иждивении красноармейцев члены их семейств, инвалиды труда и войны. По отношению к этим категориям жильцов договор найма жилых помещений, как говорит наш кодекс, «автоматически возобновляется на тех же условиях на неопределенный срок, независимо от воли наймодателя» (ст. 156). Право прекратить действие договора в отношении указанных лиц может, по общему правилу, принадлежать только нанимателю. По отношению к остальным категориям жильцов договор найма кончается по истечении установленного в нем срока, а в случае, если он заключен на неопределенный срок, требуется предупреждение за три месяца.

Договор найма жилого помещения может быть во всякое время и по отношению ко всякого рода жильцам расторгнут по суду и против воли нанимателя, если последний: 1) умышленно или по небрежности ухудшает положение по-

мещения; 2) пользуется помещением не в соответствии с законом, договором или назначением этого помещения; 3) своим поведением делает для других жильцов невозможным совместное с ним жительство в комнате или квартире; 4) в установленный срок не произвел лежащего на его обязанности ремонта; 5) не вносит наемной платы в течение двух месяцев по истечении срока или через месяц после напоминания (ст. 171 Гражд. Код.).

Размер платы за жилые помещения также зависит у нас от социального положения квартирантов. Вся плата рассчитана на покрытие расходов по содержанию дома, при чем трудовые классы платят меньше средних расходов, лица свободных профессий—в размере средних расходов, а живущие на нетрудовые доходы—обязательно больше этих средних расходов. Лица, живущие на нетрудовые доходы платят от 3 до 10 руб. золотом за кв. сажень полезной жилой площади в месяц, лица свободных профессий, кустари и ремесленники, не пользующиеся наемным трудом—от 1 до 2 рублей, рабочие и служащие в зависимости от получаемого ими заработка—от 10 коп. до 1 р. 20 к. за кв. сажень (за полуподвальные, темные и чердачные помещения—половину тарифной платы). Плата эта установлена только за нормальную (не ниже 2 кв. сажен на душу) жилую площадь. Излишки сверх соответственной нормальной площади оплачиваются вдвое дороже. К рабочим и служащим приравнены лица, состоящие на социальном обеспечении, безработные, имеющие право на получение пособия, и учащиеся, освобожденные от платы за учение, при чем местные исполкомы могут совершенно освободить эти категории лиц от квартирной платы (декрет 13-го июня 1923 г.).

Взимание квартирной платы сверх установленной выше карается в уголовном порядке принудительными работами не ниже 6 месяцев и штрафом (ст. 135 Уг. Код.). Теми же наказаниями карается выселение из квартир рабочих и государственных служащих иначе, как по решению суда. Изъятие сделано только для домов, прикрепленных к определенным учреждениям и предприятиям, где допускается и административное выселение лиц, потерявших связь с данным учреждением или предприятием.

ГЛАВА X.

Заем.

Еще в древние времена существовали сделки займа, в силу которых одно лицо отдавало другому определенное количество заменимых предметов или денег, под условием, что через некоторое время отданное количество будет возвращено с некоторой надбавкой, с ростом, с процентом. Но, хотя название сделки «заем» или «ссуда» [1]) сохранилось до нашего времени, содержание этой сделки при капиталистических отношениях изменилось совершенно.

«Ростовщичество само по себе очень старо, почти так же старо, как торговля, оно гораздо старее, чем деньги. Как только образовались различные хозяйства с определенным семейным владением, всегда могла наступить возможность, что одна сторона становилась богаче скотом, рабами, а другая беднела. Крестьяне, попадавшие в затруднительное положение, занимали у своих более богатых соседей хлеб или скот и брали на себя обязательство вернуть его с прибавкой или выполнить за это какую-нибудь работу,—начало долгового рабства. Такие ростовщические сделки возможны и случаются при натуральном хозяйстве без посредничества денег» [2]).

Но и впоследствии, при натуральном, при простом товарном хозяйстве, когда заем принял и денежную форму, одно его прежнее свойство осталось: «им пользовались, когда попадали в затруднительное положение». Заем был средством разорения этих попавших в затруднительное положение лиц. Вот почему в течение всего средневековья велась

---

[1]) Понятия займа и ссуды совпадают. Говорят о процентной и беспроцентной ссуде, о долгосрочной и краткосрочной ссуде и т. д. Русские юристы искусственно придают слову «ссуда» совершенно иное значение: сделки, в силу которой отдается имущество во временное бесплатное пользование с обязательством вернуть то же самое имущество (напр., книгу для прочтения, посуду на вечер и т. п.).

[2]) К. Каутский «Происхождение христианства», стр. 86.

такая борьба против ростовщичества, против процентов вообще, вот почему на этой почве отчасти стояли и крупные религиозные движения, как лютеранство и т. п. Вот почему при капитализме стали пытаться оправдать взимание процентов соображениями «естественной справедливости».

Маркс приводит мнение такого апологета капитализма, как Гильбарт, который в своем вышедшем в 1834 г. в Лондоне сочинении «История и основные начала банкового дела» говорит: «То обстоятельство, что человек, берущий деньги взаймы с целью извлечь из них прибыль, должен отдать часть прибыли кредитору, является само собою разумеющимся принципом естественной справедливости». Но Маркс тут же добавляет: «Говорить в данном случае вместе с Гильбартом об естественной справедливости—бессмыслица. Справедливость сделок, совершающихся между агентами производства, основана на том, что эти сделки, как естественное следствие, вытекают из отношений производства. Юридические формы, в которые облекаются эти экономические сделки, как волевые действия заинтересованных, как выражение их общей воли и как обязательства, к выполнению которых принуждает государство,—эти юридические формы, будучи просто формами, не могут определить самого содержания сделок. Они только выражают его. Содержание это является справедливым, если оно соответствует способу производства, адэкватно ему. Оно несправедливо, если противоречит ему. Рабство на основе капиталистического производства несправедливо, тоже—и обман на качестве товара» [1]).

Деньги и другие заменимые предметы могут отдаваться в заем, могут ссужаться, как нечто подлежащее израсходованию, употреблению и только. Это старый вид потребительского займа, при котором неясно, откуда будут получены средства для возврата того, что получено взаймы; и уже во всяком случае то, что получено взаймы, при этих условиях не является причиной возникновения того, что отдается обратно. Иначе обстоит дело с капиталистическим займом, где ссужаемая сумма служит причиной появле-

[1]) К. Маркс, «Капитал», т. III, стр. 324.

ния того, что по истечении известного срока будет получено (отдано) обратно.

Вот как характеризуется понятие такого капиталистического займа Марксом: «Владелец денег, желающий использовать свои деньги, как капитал, приносящий проценты, отчуждает их третьему лицу, бросает их в обращение, делает их товаром, как к а п и т а л—как капитал не только для себя, но—и для других; это не только капитал для того, кто отчуждает деньги, но и третьему лицу они передаются, как капитал, как стоимость, обладающая той потребительной стоимостью, что она создает прибавочную стоимость, прибыль, как стоимость, которая в движении сохраняется и после своего функционирования возвращается к первоначально израсходовавшему их лицу, в данном случае—к владельцу денег; следовательно, лишь на-время удаляется от него и из владения своего собственника переходит во владение функционирующего капиталиста; т.-е. не поступает в уплату, не продается, а лишь отдается в ссуду, лишь отчуждается под условием, что по истечении известного срока, она, во-первых, возвратится к своему исходному пункту и возвратится, во-вторых, как реализованный капитал, реализовав ту свою потребительную стоимость, которая заключается в том, что она производит прибавочную стоимость» [1]).

Здесь имеется целый ряд отличий от прежнего капиталистического займа: «Ссуженый капитал притекает обратно два раза: в процессе воспроизводства он возвращается к функционирующему капиталисту, а затем еще раз повторяется возвращение, как передача капитала кредитору, денежному капиталисту, как обратная уплата капитала его действительному собственнику, юридической исходной точке капитала» [2]). Здесь деньги отдаются обратно и с процентами, потому что именно при помощи этих денег получена прибавочная ценность еще в большем размере, чем уплачиваемые проценты.

Заем отличается от других форм передачи имущества, напр., от купли-продажи, при которых в самом их начале

[1]) К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 328.
[2]) Там же, стр. 329.

получается эквивалент: «при отдаче денег в форме капитала, приносящего проценты, за них не получают никакого эквивалента. При всяком акте купли и продажи, раз только вообще происходят процессы обмена, объект действительно отдается. Право собственности на продаваемый предмет каждый раз уступается. Но стоимость при этом не уступается. При продаже отдается товар, а не его стоимость, которая возвращается в форме денег или в форме векселя, долговой расписки, обязательства уплатить, что является здесь лишь иной формой денег. При купле отдаются деньги, а не их стоимость, которая возвращается в форме товара... Капиталист, дающий ссуду, отдает свой капитал, передает его промышленному капиталисту, не получая эквивалента. Эта передача вообще не является актом действительного процесса кругооборота капитала, она лишь подготовляет кругооборот, который должен быть выполнен при посредстве промышленного капиталиста. Это первое перемещение денег не выражает акта метаморфозы,—ни купли, ни продажи. Собственность не уступается, так как не происходит никакого обмена и не получается никакого эквивалента. Возвращение денег из рук промышленного капиталиста в руки ссудившего просто дополняет первый акт уступки капитала. Авансированный в денежной форме, капитал процессом кругооборота снова возвращается к промышленному капиталисту в денежной форме. Но так как при расходовании капитал принадлежал не ему, то и при возвращении он не может ему принадлежать. То обстоятельство, что этот капитал прошел через процесс воспроизводства не может превратить его в собственность промышленного капиталиста. Следовательно, капитал этот должен быть возвращен тому, кто дал его в ссуду» [1]).

Юристы могут сказать, что данные взаймы деньги именно переходят в полную собственность заемщика. Однако, при несостоятельности последнего сразу обнаруживается, сколь правильны рассуждения Маркса не только с экономической, но и с юридической точки зрения. При несостоятельности

[1]) Там же, стр. 330 и 332.

должника юристы, в особенности французские, итальянские и английские, говорят о том, что имущество, формально ему принадлежащее, есть имущество кредиторов.

Возврат ссуды вместе с процентами возможен только в силу процесса воспроизводства. Но в соответственных юридических сделках, которыми оформляется заем и его отдача, не остается следа этого процесса: «Первое расходование капитала, перемещающее его из рук кредитора в руки заемщика, есть юридическая сделка, не имеющая ничего общего с действительным процессом воспроизводства капитала, лишь подготовляющая его. Обратная уплата, перемещающая притекший обратно капитал из рук заемщика в руки кредитора, есть вторая юридическая сделка, восполнение первой; первая подготовляет действительный процесс, вторая есть акт, дополняющий тот же процесс. Следовательно, точка исхода и точка возврата—отдача и возвращение ссуженного капитала—представляются произвольными движениями, совершающимися при посредстве юридических сделок, происходящими до и после действительного движения капитала и не имеющими никакого касательства к самому этому движению. Отдача, ссуда денег на известное время и получение их обратно с процентом (прибавочною стоимостью), — вот вся форма движения, принадлежащая капиталу, приносящему проценты, как таковому. Действительное движение отданных в ссуду денег, действительное движение их как капитала—есть операция, лежащая по ту сторону сделок между кредиторами и заемщиками. В самом капитале это посредство сделок стерто, не видно, непосредственно не предполагается им. Как товар особого рода, капитал обладает и особым родом отчуждения. Поэтому и возврат получает выражение не как следствие и результат определенного ряда экономических актов, а как следствие особой юридической сделки между покупателем и продавцом. Время возвращения зависит от хода процесса воспроизводства; по отношению к капиталу, приносящему проценты, его возвращение как капитала зависит, как кажется, от простого соглашения между кредитором и заемщиком. Так что по отношению к этой сделке возвращение капитала кажется

уже не результатом, который определяется процессом производства, а так, как-будто данный в ссуду капитал никогда не утрачивал формы денег» [1]).

Но не следует слишком доверяться тому, что только кажется, и отсюда выводить юридические последствия займа. Не следует по отношению к капиталистическому займу ограничиваться только той юридической формулировкой, которая соответствовала займу докапиталистическому—чисто-потребительскому. Если капитал дается взаймы отнюдь не с целью его непроизводительного потребления, а с тем, чтобы сохранить его стоимость в процессе производства и еще добавить к нему новую стоимость, то для кредитора не может не иметь огромного значения, как и на что будет затрачен данный взаймы капитал. Этот заем, сделка, его оформляющая, должна предоставить кредитору контроль за действиями заемщика по отношению к способу использования предоставленного последнему взаймы капитала. В этом главное отличие капиталистического займа от докапиталистического. Капиталистическое кредитование и финансирование предприятий за последнее время в иностранных государствах, несомненно, построено на этом начале контроля.

Заем должен различаться также в зависимости от той цели, ради которой он заключается—для употребления его в качестве основного или оборотного капитала. В первом случае — это долгосрочный заем, во втором — краткосрочный. Краткосрочный, по общему правилу, погашается сразу, по окончании срока, а до истечения срока уплачиваются только проценты. Долгосрочный выплачивается незаметными (амортизационными) частями, прибавляемыми к уплачиваемым ежегодно,—или, вообще, периодически,—процентам.

Займы также могут отличаться по характеру заемщиков; здесь основное деление займов на государственные и частные. Из государственных—интересна форма рентного займа, при котором платятся только проценты и никогда не погашается основная сумма. За последние годы нередки случаи

---

[1]) Там же, стр. 332—333.

принудительного государственного займа, ср., напр., наш золотой выигрышный заем, который в значительной части размещен принудительно, при чем он в некоторых случаях не подлежит и переуступке другим лицам.

В буржуазных гражданских кодексах не учитываются все эти различные усложнившиеся, соответствующие развитым капиталистическим отношениям виды займа. В большинстве случаев регулируется только старый докапиталистический заем. При этом весьма часто устанавливается размер допустимых процентов или невыгодные последствия для кредитора в случае, если установленный процент превышает известный предел.

В нашем Гражданском Кодексе заем также урегулирован далеко не в соответствии с теми развитыми видами займа, которые мы отметили выше. Вместо того,—старого,—института займа, который изображен в нашем Гражданском Кодексе в виде одной главы, следовало бы урегулировать все виды кредита,—и тогда старая форма займа заняла бы то сравнительно ничтожное место, которое отведено ей историческим развитием.

По нашему Кодексу, между кредитором и заемщиком не устанавливается никаких обязанностей, кроме обязанности платить проценты и вернуть занятую сумму. При чем проценты должны быть прямо оговорены, иначе заем признается беспроцентным. Не установлено у нас предельного допустимого по закону процента, ибо ростовщический характер займа не всегда определяется известной цифрой процентов, напр., более 6 или более 12. Однако, нашему Гражданскому Кодексу известны вообще ростовщические, кабальные сделки, которые могут быть признаны недействительными, как по требованию заинтересованной стороны, так и подлежащих органов государственной власти или общественных организаций. Такими кабальными или ростовщическими сделками признаются сделки, заключенные с явной невыгодой для себя под влиянием крайней нужды. Под этот вид кабальных сделок могут подойти и займы под высокие проценты. Наш Кодекс, сверх того, предоставляет право заемщику по-

гасить до срока заем, если размер процентов высок, а именно, если при займе в твердой валюте процент превышает 6 годовых (ст.ст. 33, 208 и сл. Гр. Код.).

ГЛАВА XI.

Купля-продажа, мена, поставка и подряд.

Соединение этих четырех сделок в одной главе может показаться на первый взгляд странным. Однако, так как я в данной работе даю не детали, а только основы частного имущественного права, с одной стороны, а с другой—все эти формы договоров, о которых я буду говорить в настоящей главе, в основном направлены на одно и то же,—то такое соединение этих сделок в данной работе не должно казаться удивительным.

Купля-продажа, поставка и мена—целиком, а подряд—в значительном большинстве случаев направлены на получение в собственность одним лицом от другого того, чего еще у первого не имеется, при чем другое лицо получает соответственный эквивалент. Подряд, правда, может быть направлен и на нечто иное. Если сдается подряд на постройку зданий, сооружений, железной дороги и т. п., то сделка в этих случаях направлена на то, чтобы результат подряда—здание, сооружение, железная дорога—перешел в собственность сдающего подряд. Но, если сдается подряд на вывозку снега, мусора, на разбор старого дома, завода и т. п., то здесь результат сделки направлен на совершение определенных (отрицательных) работ, которые для тех или иных целей (сохранения, изменения, приведения в иной вид имущества) собственнику необходимо было сделать.

Остановимся более подробно на купле-продаже. При сохранении товарно-денежного хозяйства купля-продажа является основной сделкой, при помощи которой блага передвигаются из одной хозяйственной сферы в другую. Ежегодно повсюду и у нас совершаются миллиарды актов

купли-продажи, которые по внешности являются «свободными» соглашениями покупателей и продавцов. Подавляющая масса покупок непосредственных потребителей совершается в форме купли-продажи на наличные—товар получается и деньги за него уплачиваются тут же. Это самый простой вид купли-продажи, при котором—нормально—покупатель и продавец тут же ликвидируют свои отношения.

Более сложной является купля-продажа в кредит или в рассрочку, при которой товар передается покупателю немедленно, а уплата за него отсрочивается или рассрочивается на определенный срок.

Обратной стороной такой купли-продажи в кредит является поставка, т.-е. продажа товара, которого еще нет, с обязательством поставить его через известный срок, при чем, нормально, покупатель уплачивает вперед—авансом—часть той цены, которая будет причитаться за имеющий быть поставленным товар, или даже всю эту цену. Поставка со стороны продавца является заказом со стороны покупателя, который Маркс весьма метко характеризует следующими словами: «толчок заказа, т.-е. предшествующая бытию товара купля его и продажа, имеющая характер предвосхищения» [1]).

Форма купли-продажи, т.-е. приобретения за деньги товаров, сама по себе не говорит ничего о содержании соответственной сделки, о том что, на каких условиях и в каком месте может быть приобретено. «Купля и продажа рабов,—говорит Маркс,—по своей форме представляет тоже куплю и продажу товаров. Но без существования рабства деньги не могут совершать этой функции. Существует рабство, и деньги могут быть затрачены на покупку рабов. Напротив, если в руках покупателя есть деньги, этого недостаточно для того, чтобы сделать рабство возможным» [2]).

При различных социальных укладах, следовательно, одна и та же по внешности сделка—купля-продажа—носит по существу различный характер. И поэтому, хотя в нашем

---

[1]) К. Маркс, «Капитал», т. II, стр. 446.
[2]) Там же, стр. 8.

законе относительно купли-продажи употребляются формулировки, нередко вполне совпадающие с формулировками буржуазных законов, однако, различие социального уклада влечет за собою иное содержание этих формулировок на практике.

По нашему закону купля-продажа, поскольку она направлена на определенную вещь, является сама по себе способом приобретения права собственности. И это безотносительно к тому, оплачено ли купленное покупателем, или же оно предоставлено ему в кредит или с выплатой в рассрочку. Отсрочка перехода права собственности до полной оплаты полученной вещи противоречила бы той цели, ради которой совершаются продажи в кредит и в рассрочку. Это обстоятельство в особенности подчеркнуто в специальном декрете от 10-го октября: «О купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа». Продажи в кредит и в рассрочку, ведь, именно потому и требуются, что товар уже сейчас нужен приобретателю для того или иного распоряжения им, а оплата его может произойти лишь впоследствии. Можно поэтому дать те или иные гарантии продавцу, установить даже право залога в его пользу на проданную вещь, воспретить покупателю передачу ее в другие руки на время до ее оплаты, но в собственность покупателя она должна перейти немедленно.

Если продаваемый товар не представляет собою индивидуально определенной вещи, если он определен только числом, мерою или весом, напр., столько-то штук, столько-то пудов, столько-то ведер, то для перехода права собственности к покупателю необходимо выделение его из общей массы. И после такого выделения из общей массы он опять-таки переходит в собственность покупателя, безотносительно к тому, оплачен ли он покупателем или кредитован ему.

Мы уже выше отметили отличительные особенности поставки-заказа. В виду того характера предвосхищения, который свойственен поставке, она представляет собою изрядный риск для заказчика, гораздо больший, чем продажа в кредит для продавца: определенное количество денег легче можно получить, чем выполнить на заранее данных условиях

заказ, быть-может, при совершенно изменившейся впоследствии конъюнктуре.

Во всех странах принимаются поэтому по отношению к поставкам (а также и подрядам) для государства некоторые особые меры гарантии. Так как у нас государственное хозяйство достигает (пропорционально) во много раз больших размеров, чем в иностранных буржуазных государствах, то и гарантии в пользу государства по отношению к подрядам и поставкам должны быть развиты в наибольшей степени. Разумеется, здесь необходимо принять во внимание еще и следующее обстоятельство: если гарантии будут чрезвычайно велики и вызовут накладные расходы для подрядчиков и поставщиков, то они учтут эти расходы и поставят их в счет государственному органу-заказчику. На этих началах и построен наш закон 1923 г. о государственных подрядах и поставках.

ГЛАВА XII.

Право наследования.

«Коммунистический Манифест» Маркса и Энгельса, намечая те «деспотические вторжения в право собственности и в буржуазные условия производства», которые придется предпринять пролетариату, достигшему политического господства, в числе этих мероприятий предлагает на третьем месте: уничтожение права наследования. Правда, там имеется предварительная оговорка, что все эти общие меры в наиболее цивилизованных странах могли бы быть почти повсюду приняты.

Наш закон 1918 г. об отмене наследования через 70 лет мог осуществить программу «Коммунистического Манифеста» в этом отношении.

Однако, необходимо отметить, что в программах, вырабатывавшихся Марксом и Энгельсом, и в программах, критиковавшихся Марксом, вопрос об уничтожении права наследования не являлся вопросом принципиальным. Отказ от

уничтожения права наследования и замена его ограничением права наследования не являлись бы, с их точки зрения, изменой принципу. Скорее такой изменой коммунистическим принципам являлось бы выпячивание уничтожения наследственного права при сохранении основ буржуазного строя, в качестве самостоятельной революционной меры. Интересно поэтому проследить эволюцию взглядов основоположников комунизма по этому вопросу.

Когда Союз коммунистов на втором своем съезде в 1847 г. поручил Марксу и Энгельсу составить манифест, содержащий программу Союза, то Энгельс набросал проект такой программы в виде катехизиса (вопросов и ответов). И вот на восемнадцатый вопрос: «Каков будет ход этой революции?» (революции пролетариата), Энгельс, между прочим, отвечает: «Демократия была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если ею не воспользоваться немедленно для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата. Главнейшие мероприятия эти, с необходимостью вытекающие из существующих ныне условий, суть следующие: 1) ограничение частной собственности: прогрессивный налог, высокий налог на наследства, отмена наследования в боковых линиях (братьев, племянников и т. д.), принудительные займы и т. д., 2) одинаковое право наследования для брачных и внебрачных детей [1]).

Как видим, Энгельс все мероприятия по отношению к праву наследования рассматривал как подвиды ограничения права собственности. А в «Коммунистическом Манифесте», правда, написанном Марксом, но вполне одобренном и Энгельсом, ограничение права наследования заменено его уничтожением.

Однако, мы имеем еще один документ, за подписями, в числе прочих, Маркса и Энгельса, составленный через несколько недель по написании «Коммунистического Манифеста» и в нем опять говорится не об отмене, а только об ограничении права наследования. Я имею в виду «Требования

[1]) См. «Коммунистический Манифест», с введением и примечаниями Д. Рязанова, втор. дополн. изд., 1923 г., стр. 351—352.

коммунистической партии в Германии» (подписанные комитетом Союза коммунистов: Карл Маркс, Карл Шапер, Г. Бауер, Ф. Энгельс, И. Молль, В. Вольф), в которых п. 14 гласит: «Ограничение права наследования» [1]).

Чем объяснить это разноречие? Д. Рязанов говорит [2]): «Третье требование составляет одно из основных положений программы сен-симонистов и уже от них перешло к некоторым коммунистам».

Но то обстоятельство, что требование сен-симонистов перешло к некоторым коммунистам, едва ли могло бы послужить Марксу достаточным основанием для включения этого требования в «Коммунистический Манифест». С другой стороны, непонятно было бы, почему требования коммунистической партии в Германии должны быть не таковы.

Требование ограничить наследование было требованием мелкобуржуазных демократов или мелкобуржуазных социалистов. Об этом говорится в составленном Марксом «Обращении Центрального Комитета к Союзу» от марта 1850 г. Относительно «далеких от мысли преобразовать все общество в интересах революционного пролетариата» демократических мелких буржуа там, между прочим, сказано: «Чтобы противодействовать господству и быстрому умножению капитала, они требуют отчасти ограничения права наследования, отчасти передачи возможно большего количества работ государству» [3]). На такое же требование мелкобуржуазного социализма во Франции Маркс указывает в своей «Борьбе классов во Франции». Маркс говорит там о классе мелкой буржуазии, между прочим, следующее: «Капитал побеждает его (этот класс) концентрацией,—социализм требует прогрессивных налогов, ограничения наследования, выполнения государством крупных работ, требует других мероприятий, которые насильственно задерживают рост капитала» [4]). Маркс считал не-

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, собр. соч., т. III, 1921 г., стр. 416.
[2]) «Ком. Манифест», прив. изд., стр. 230.
[3]) К. Маркс и Ф. Энгельс, собр. соч., т. III, 1921 г., стр. 500.
[4]) К. Маркс и Ф. Энгельс, собр. соч., т. III, 1921 г., стр. 108—109.

обходимой поддержку этих требований со стороны коммунистов, но поддержку особого рода, — поддержку, идущую гораздо дальше этих требований. Рецепт такой поддержки указан в цитированном выше обращении Центрального Комитета к Союзу коммунистов. Там сказано: «Мы видели, как демократы в ближайшем движении придут к господству и как они будут вынуждены выступить с более или менее социалистическими мероприятиями. Возникает вопрос, какие же меры должны будут в противовес этому предложить рабочие. Конечно, рабочие не могут в самом начале движения предлагать чисто-коммунистические мероприятия. Но... они должны доводить до крайних пределов предложения демократов, которые во всяком случае будут выступать не революционно, а лишь как реформисты; они должны превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность. Так, напр., если мелкие буржуа предлагают выкупить железные дороги и фабрики, рабочие должны требовать, чтобы эти железные дороги и фабрики, как собственность реакционеров, были конфискованы без всякого вознаграждения. Если демократы предлагают пропорциональные налоги, рабочие должны требовать прогрессивных; если сами демократы предлагают умеренно-прогрессивные налоги, рабочие должны настаивать на налоге, ставки которого растут так быстро, что крупный капитал при этом должен погибнуть; если демократы требуют регулирования государственных долгов, рабочие должны требовать государственного банкротства. Следовательно, требования рабочих всюду должны будут сообразовываться с уступками и мероприятиями демократов»[1]). И, следовательно, если демократы, если мелкобуржуазные социалисты выставляют требование ограничения наследования, то рабочие должны требовать полного уничтожения права наследования, превращая это реформистское требование в прямое нападение на частную собственность. Вот почему и в каком смысле Маркс, думается мне, включил в «Коммунистический Манифест» требование уничтожения права наследования.

[1]) То же, стр. 506—507.

В указанном смысле Маркс, кажется мне, не отрицал этого требования и в последующее время. Почти сложилось убеждение, что в шестидесятых годах Маркс выступил противником уничтожения права наследования. В этом будто бы состоял спор между ним и Бакуниным. В особенности придерживались этого взгляда германские социал-демократы при составлении в 1921 г. новой Герлицкой программы. Комментатор этой программы Эдуард Бернштейн говорит, что Маркс, как известно, впоследствии (после издания «Коммунистического Манифеста»), изменил свой взгляд по вопросу об уничтожении права наследования [1]). На самом деле спор между Марксом и Бакуниным по этому вопросу велся совершенно в другой плоскости. О чем в действительности шел спор, с особой ясностью видно из писем Маркса к Кугельману. Маркс, не будучи в состоянии по болезни дважды переписывать огромное послание, направляет Кугельману конфиденциальное сообщение Центрального Совета I Интернационал, предназначенное для Брауншвейгского комитета, в котором, между прочим, говорится о программе Бакунина: «Достаточно сказать, что его программа, предложенная Лозанскому конгрессу, содержит такие нелепости, как «равенство классов», «уничтожение права наследования, как начало (подчеркнуто Марксом) социальной революции» и т. д. [2]). Конечно, Маркс считал нелепостью самое требование «равенства классов», но уничтожение права наследования само по себе в его глазах не могло являться нелепостью: фигурировало же оно в его «Коммунистическом Манифесте». Маркс считал нелепостью не самое требование уничтожения права наследования, а теоретический подход к этому требованию, как к началу социальной революции. Поэтому, в дальнейшем, когда бакунинский «Alliance» (Союз) заявил, что генеральный совет I Интернационала должен объявить, что он признает «радикальные принципы» этого «Alliance'а» («программа

[1]) E. Bernstein, «Das Görlitzer Programm», 1921.

[2]) Письма Маркса к Кугельману, перевод под редакцией Н. Ленина, 1920 г., стр. 85.

этого общества была та самая, которую Бакунин предложил Лозанскому конгрессу мира»), то Генеральный Совет устами Маркса ответил, «что в его функции не входит быть теоретическим судьею программ различных секций. Он заботится только о том, чтобы в них не было ничего прямо противоречащего статутам Интернационала и их духу. Поэтому он настаивает, чтобы из программы «Alliance'a» была вычеркнута нелепая фраза о «равенстве классов и вместо нее поставлено «уничтожение классов» (это «Alliance» исполнил» [1]). Что же касается требования уничтожения права наследования, то само оно, как видим, не противоречило духу статутов Интернационала, а его нелепое теоретическое объяснение,—как начала социальной революции, было оставлено на научной совести бакунинского союза.

При обсуждении этого вопроса на базельском конгрессе I Интернационала (1869 г.) Маркса не было. Он не участвовал в обсуждении, и его мнение, пожалуй, в точном виде там вовсе не было бы изложено. Комиссия, обсуждавшая этот вопрос, в большинстве стала на точку зрения Бакунина и предложила конгрессу резолюцию, сводившуюся к следующему: право наследования, составляющее существенный элемент частной собственности, сильно способствовало переходу земельной собственности и социальной мощи в руки немногих, а потому оно составляет одно из величайших препятствий к переходу земли в общее владение. С другой стороны, препятствуя людям пользоваться одинаковыми средствами материального и морального развития, оно представляет несправедливую привилегию, угрожающую общественному праву. Поэтому конгресс, уже высказавшийся за общую собственность, логически должен высказаться также за полную и радикальную отмену права наследования, которое является одним из необходимых условий освобождения труда.

Мы видим, что этот проект резолюции насквозь пропитан идеалистическими началами. От имени Генерального Совета Эккариус противопоставил этому взгляду доклад, вы-

[1]) Там же, стр. 88. Письмо от 28-го марта 1870 г.

ражавший, по утверждению Ю. М. Стеклова, воззрения Маркса по этому вопросу [1]). Право наследования является не причиной, а следствием, — юридическим результатом современного экономического строя. Поэтому отмена права наследования будет естественным результатом общественного преобразования, которое отменит право частной собственности на средства производства. Но отмена права наследования не может послужить исходным пунктом (курсив мой—«Начало социальной революции») такого социального преобразования: это было бы ложным в теории и реакционным на практике. Вторжение в право наследования

---

[1]) Содержание самого доклада Генерального Совета весьма отлично от этого излагает Франц Меринг в своей книге о Марксе. Вот что мы у него читаем: «По вопросу о праве наследования Генеральный Совет выработал доклад, который, с присущим Марксу мастерством, сводил к немногим положениям основные взгляды Интернационала: как и все гражданское законодательство, законы о наследовании являются не причиной, а юридическим следствием экономической организации общества, признающего частную собственность на средства производства. Право получать по наследству рабов не было причиной рабства, а напротив того, рабство было причиной наследования рабов. Когда средства производства сделаются общей собственностью, то само собою исчезнет право наследования, поскольку оно имеет социальное значение, т. к. человек оставляет после себя только то, чем владел при жизни. Великая цель заключается поэтому в уничтожении тех учреждений, которые предоставляют отдельным лицам возможность пользования при жизни экономическим могуществом и присвоивать себе плоды работы многих людей. Провозглашать уничтожение права наследования, как исходный пункт социальной революции — такая же нелепость (курсив мой — А. Г.), как если бы желать отменить законодательство о договорах между покупателями и продавцами при сохранении теперешнего положения товарного обмена; такая отмена была бы неправильной в теории и реакционной на практике. Изменения в наследственном праве могут наступить лишь в переходную эпоху, когда, с одной стороны, современные экономические основания общества не преобразовались, а с другой, когда рабочие классы скопили уже достаточно силы, чтобы провести подготовительные меры для радикального преобразования общества. В качестве таких переходных мер Генеральный Совет рекомендовал распространение налогов на наследство и ограничение права наследования по завещанию: в отличие от семейного наследования, оно чрезмерно расширяет основы частной собственности произвольным и суверенным образом». (Ф. Меринг, Карл Маркс, «История его жизни», 1920 г., стр. 338—339).

может иметь место лишь в переходные эпохи, когда старая экономическая база остается еще неизменной, но пролетариат достиг достаточной политической силы, чтобы радикально преобразовать юридический строй [1]). Такими же переходными мерами, могущими послужить цели социального освобождения, являются повышение налога на наследства и ограничение права завещания.

Бакунин произнес большую речь в защиту доклада комиссии. Признавая, что юридический факт (!) есть результат экономического строя, он подчеркивал, что право, будучи результатом предшествующего экономического факта, в свою очередь становится причиной последующих фактов, в том числе и экономических. Так, право наследования, будучи следствием наследственного присвоения естественных и социальных богатств, сделалось затем основою политического государства и юридической семьи. Для установления нового строя его необходимо поэтому уничтожить. И сделать это необходимо именно с практической точки зрения. Насильственная экспроприация мелких землевладельцев толкнула бы их в объятия реакции. Поэтому временно придется оставить им владение их участками. Но при сохранении права наследования будет увековечена мелкая собственность. Если же, напротив, одновременно с провозглашением социальной ликвидации провозгласить политическую и юридическую ликвидацию государства и отменить право наследования, то у крестьян останется лишь фактическое владение, лишенное всякой легальной санкции, а в таком случае оно легко будет поддаваться преобразованию под давлением революционных событий и сил [2]).

Эти сумбурные соображения о юридических фактах, о праве, как основе политического государства и юридической семьи и т. д.,—словом, все это обоснование служило отличным подтверждением заявления Эккариуса, что постановка

[1]) Эта фраза, по-моему, никоим образом не могла явиться выражением воззрений Маркса: Маркс не мог утверждать, что возможно радикальное преобразование юридического строя при сохранении в неизменном виде старой экономической базы.

[2]) См. Ю. М. Стеклов, «I Интернационал», изд. 3-е, 1923 г., стр. 168—170.

вопроса ложна в теории и реакционна на практике. Оставляя в стороне такие теоретические истины, как социальная, политическая и юридическая ликвидация государства, мы видим, что Бакунин хотел отмены наследования (крайне реакционной на практике) в крестьянском землевладении. Но почему экспроприация мелких крестьян путем прямого закона толкнула бы их в объятия реакции, а такая же экспроприация их (и притом молодого поколения крестьян) путем отмены наследования не толкнула бы их в объятия реакции, а наоборот, позволила бы коллективизировать крестьянское землевладение? Во всяком случае при голосовании ни одна из резолюций ни комиссии, ни Генерального Совета не собрала абсолютного большинства, и вопрос, таким образом, не был решен ни в ту, ни в другую сторону.

Ссылки в настоящее время оппортунистических социал-демократов на то, что Маркс вообще был противником отмены права наследования в переходную эпоху, основаны, таким образом, на поверхностном знакомстве с мнениями, высказывавшимися Марксом.

Во всяком случае попытки германских социал-демократов дать в своей новой (Герлицкой) программе новую теорию по реформе права наследования насквозь оппортунистичны. Они выставили правило, что в каждом остающемся наследстве государство обязательно должно иметь долю. Они при этом забывают, какое, чье государство будет эту долю иметь. Забывают, что эта доля будет доставаться капиталистическому государству, во-первых. Они рисуют, во-вторых, такую картину, что этим путем мирно и постепенно все имущества перейдут в руки государства, и таким мирным способом будет осуществлен социализм.

При крайнем ограничении права наследования, приближающемся к полной его отмене, опять выдвигаются на сцену соображения о том, что при таких условиях теряется всякий стимул к накоплению. О том, что эти соображения соответствуют эпохе докапиталистической, что при развитом капитализме накопление производится не для обеспечения близких,—уже было сказано достаточно во второй главе. Особенно это применимо к наследственному праву. Если бы этот

стимул действительно играл решающую роль в капиталистическом обществе, то это требовало бы полной свободы завещаний, распоряжения на случай смерти своими имуществами по своему усмотрению; тогда совершенно необъяснимы были бы такие явления, как почти полная свобода завещаний в Англии и почти полное отсутствие этой свободы завещаний во Франции [1]). Тогда были бы недопустимы высокие, да и вообще какие бы то ни было налоги на наследство. Тогда следовало бы везде поступить так, как поступило фашистское правительство в Италии, которое отменило в 1923 г. налоги на роскошь, на автомобили, на наследства и ряд подобных налогов под тем предлогом, что «налоги эти стеснительны для торговли, а следовательно и для производства, что наносит неизмеримый вред индивидуальному и коллективному хозяйству, разрушая собственность и семью» [2]).

А между тем налоги, и не малые, установлены на наследства почти во всех странах. В первом томе моего «Хозяйственного права» я изобразил эволюцию буржуазных идей, касающихся наследственного права. Там же я указал, что действовавший в Германии с 1919 г. по 1922 г. закон об обложении наследства, в силу которого ближайшие наследники теряли до $^3/_4$, а более отдаленные до $^9/_{10}$ всего наследства, отнюдь не препятствовал накоплению огромных богатств в руках отдельных лиц. «В наш век, когда исчезают наследственные монархии, люди добиваются не только пожизненного, но даже и краткосрочного президентства» [3]).

Наш Кодекс 1923 г., взамен действовавшей у нас с 1918 г. полной отмены права наследования, ввел ограниченное право

---

[1]) Это различие вообще весьма трудно объяснимо. Ср. Ф. Энгельса: «Основа наследственного права—экономическая, предполагая одинаковую ступень развития семьи. Несмотря на это, будет очень трудно доказать, что, напр., в Англии абсолютная свобода завещаний, а во Франции сильное ее ограничение во всех деталях имели только экономические причины». (К. Маркс и Ф. Энгельс, «Письма», стр. 284).

[2]) См. Джулио Аквила, «Фашизм в Италии», 1923 г., стр. 41.

[3]) См. А. Г. Гойхбарг, «Хозяйственное право», т. 1., стр. 180—191 (2-е изд., 1923 г.).

наследования в пользу только наиболее близких к умершему лиц. Размер общей суммы всего наследства, которая может перейти от умершего к частным лицам, установлен не свыше 10.000 рублей золотом. Тем самым устраняется тот реакционный характер полной отмены наследования, которого опасался Маркс при сохранении инидивидуального крестьянского хозяйства. У нас, к тому же, способ наделения землею, которая не принадлежит на праве частной собственности землепользователю, способ наделения «по душам», устраняет все опасения, поскольку дело касается земли. Что же касается остального имущества крестьянской массы, то оно для подавляющей массы, для 99% всего крестьянства, не превышает 10.000 р. золотом на лицо. Поэтому установление допустимого предела для перехода наследства частным лицам в 10.000 р. золотом вполне устраивает все крестьянское население.

По общему правилу, все, что превышает 10.000 р., излишек над 10.000 р. золотом, оставшийся после умершего, переходит к государству. Однако, здесь сделаны изъятия для тех случаев, когда, по самому характеру приобретенного умершим имущества, государственные органы, предоставившие ему это имущество, исходили из невозможности или нецелесообразности эксплоатации его государственными органами. Таковы те случай, когда государственные органы предоставляют частным лицам срочные права, права на определенный срок, как, напр., право аренды государственных предприятий, право застройки дома, концессионное право. В этих случаях указанными правами до истечения срока их могут пользоваться и наследники целиком, безотносительно к стоимости этих прав, т.-е. хотя бы их стоимость и превышала значительно 10.000 р. золотом.

Право наследования предоставлено у нас только весьма ограниченному кругу наследников: пережившему супругу, детям, внукам (и правнукам) и полным иждивенцам умершего. Все такие наследники, если их имеется несколько, делят наследство поровну. Но собственнику предоставлено также право завещания, право распорядиться на случай своей смерти своим имуществом. Однако, в своем завещании он

не может выходить за пределы круга допущенных по закону наследников; он может только перераспределить между ними доли наследства иначе, чем это установлено в законе, может дать одному больше, другому меньше или же ничего ему не дать.

У нас, кроме того, установлены также наследственные пошлины, которые не превышают 4% при наследствах до 10.000 р. золотом, но которые могут достигнуть половины всего наследства при больших наследствах, допускаемых, как указано выше, в виде исключения (напр., при праве застройки многоэтажного дома и т. п.).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	5
I. Несколько замечаний о праве	7
II. Так-называемые правно-политические соображения	26
III. Частное и публичное право	45
IV. Правоспособность и дееспособность	53
V. Сделки	60
VI. Право частной собственности	67
VII. Исключительные права	94
VIII. Право застройки	101
IX. Имущественный наем	104
X. Заем	114
XI. Купля-продажа, мена, поставка и подряд	121
XII. Право наследования	124

Цена **65** коп. черв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР — Москва, Воздвиженка, 9.
ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА — Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. ***Москва,*** **пл. Свердлова, 2-й дом Советов—„Серп и Молот“.**
2. ***Москва,*** **Сретенка, дом № 8.**
3. ***Ленинград,*** **Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.**

Калининский
Читальный
зал